

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности

(код и наименование направлению подготовки/специальности)

Уголовно-правовая

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Заключение под стражу: основания и порядок применения»

Обучающийся

Д.И. Пынзарь

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, Ю.О. Мещерякова

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Аннотация

Актуальность темы исследования. Повышение эффективности механизма применения мер пресечения представляет собой ключевой элемент укрепления принципов правового государства. В условиях, когда Российская Федерация декларирует приверженность базовым правовым стандартам, стратегической задачей остаётся обеспечение строгого соблюдения личных прав обвиняемого, включая презумпцию невиновности, а также исключение необоснованных ограничений его свободы, особенно на этапе предварительного расследования.

Объектом исследования являются общественные отношения, которые складываются в процессе применения норм права, регламентирующих меру пресечения в виде заключения под стражу.

Предметом исследования являются уголовно-процессуальные нормы, регламентирующие меру пресечения в виде заключения под стражу.

Целью исследовательской работы является комплексный анализ института заключения под стражу, правоотношений, возникающих в процессе его применения, а также разработка рекомендаций по совершенствованию действующего законодательства.

Структура исследования. Настоящее исследование состоит из введения, трех глав, в которые входят шесть параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников. Структура работы обусловлена целью и задачами исследования.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Общая характеристика меры пресечения в виде заключения под стражу.....	10
1.1 История развития и возникновения меры пресечения в виде заключения под стражу в уголовном процессе России	10
1.2 Понятие и значение меры пресечения в виде заключения под стражу.....	19
Глава 2 Процессуальный порядок избрания меры пресечения в виде заключения под стражу	31
2.1 Основания и обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.....	31
2.2 Отмена, изменение и продление меры пресечения в виде заключения под стражу	44
Глава 3 Проблемные аспекты применения меры пресечения в виде заключения под стражу.....	55
3.1 Заключение под стражу и реализация основополагающих принципов российского уголовного процесса.....	55
3.2 Перспективы развития меры пресечения в виде заключения под стражу.....	66
Заключение	78
Список используемой литературы и используемых источников.....	83

Введение

Актуальность исследования. С момента внесения в 2001 г. в Уголовно-процессуальный кодекс РФ положения о домашнем аресте в качестве меры пресечения, призванной служить альтернативой заключению под стражу, правоприменительная практика продолжает сталкиваться с системными затруднениями. Несмотря на предусмотренную законом возможность использовать более мягкую меру ограничения свободы, в судебной практике не наблюдается устойчивого снижения числа случаев избрания заключения под стражу, что подтверждается современной статистикой.

Домашний арест, хотя и претерпел значительные изменения в последние годы, остаётся объектом пристального внимания как среди учёных, так и среди специалистов, участвующих в уголовном судопроизводстве. В центре обсуждений находится проблема соблюдения баланса между обеспечением надлежащего хода расследования и недопустимостью чрезмерного ограничения прав подозреваемого или обвиняемого.

Фундаментальной задачей исследований в данной области является анализ обоснованности применения меры в каждом конкретном случае, а также оценка её эффективности в контексте процессуальных целей. Непропорциональное применение заключения под стражу без достаточных оснований не только нарушает принцип соразмерности вмешательства в права личности, но и подрывает доверие к системе уголовной юстиции, снижая её легитимность в глазах общества.

На современном этапе сформировалась значительная правоприменительная база в отношении заключения под стражу, однако в её рамках сохраняются существенные проблемные зоны. Одним из наиболее острых вопросов остаётся формализованный подход судов при рассмотрении ходатайств следственных органов об избрании или продлении данной меры пресечения.

Судебные инстанции нередко ограничиваются поверхностной оценкой материалов, представленных следствием, несмотря на то, что принимаемые решения затрагивают фундаментальные конституционные права и свободы личности. Отсутствие индивидуализированного анализа приводит к принятию необоснованных постановлений, негативно сказывающихся на репутации судебной и правоохранительной систем, миссия которых – обеспечение правовой защищённости граждан и пресечение произвола.

Серьёзную озабоченность вызывает устойчивое игнорирование в судебных актах содержательного анализа доказательств, свидетельствующих о наличии объективных оснований для предполагаемого уклонения обвиняемого от правосудия. Отсутствие мотивированной правовой аргументации в ряде решений подрывает легитимность выбора наиболее строгой меры пресечения и способно дестабилизировать общественное доверие к уголовно-правовым институтам.

Одной из системных деформаций в процедуре избрания меры пресечения в виде заключения под стражу является практика следственных органов, заключающаяся в опоре на умозрительные и не подтверждённые достоверными данными версии предполагаемого противоправного поведения фигуранта дела. Наблюдается тенденция к использованию обобщённых, клишированных формулировок, формально воспроизводящих законодательные конструкции, однако не подкреплённых актуальной доказательной базой, релевантной на момент обращения в суд.

Зачастую обоснование необходимости изоляции лица от общества сводится исключительно к ссылке на тяжесть инкриминируемого деяния. Подобная аргументация, как неоднократно подчёркивалось в решениях Европейского суда по правам человека, включая дело «Панченко против России» [24], не может рассматриваться как достаточное основание для ограничения свободы. Формальный подход игнорирует необходимость всесторонней и индивидуальной оценки риска вмешательства обвиняемого в уголовное судопроизводство. Конструкция статьи 97 УПК РФ предоставляет

следственным органам значительный объём усмотрения при формулировании оснований для заключения под стражу. Однако такая дискреция, при отсутствии судебного контроля над качеством представленных доводов, создаёт предпосылки для произвольного ограничения прав личности, противоречащего принципам правового государства.

При разрешении вопроса о применении меры пресечения судебные органы обязаны рассматривать возможность использования альтернативных форм ограничения свободы, таких как домашний арест или внесение залога. Подобный подход получил подтверждение, в частности, в практике Петрозаводского городского суда Республики Карелия, продемонстрировавшего необходимость индивидуального анализа обстоятельств каждого дела.

Несмотря на законодательно закреплённую обязанность учитывать возможность применения альтернативных ограничительных мер, суды в большинстве случаев демонстрируют формальный подход, ограничиваясь поверхностной аргументацией. Анализ практики показывает, что обстоятельства, допускающие применение мер, не связанных с изоляцией лица, не получают должной оценки. Особенно проблемной данная ситуация становится в производстве по делам, в которых фигурантами выступают несовершеннолетние. Несмотря на наличие в уголовно-процессуальном арсенале меры пресечения в виде передачи под надзор, её использование фактически сведено к минимуму, что подтверждается эмпирическими данными, собранными в ходе анализа текущей судебной и следственной деятельности.

Повышение эффективности механизма применения мер пресечения представляет собой ключевой элемент укрепления принципов правового государства. В условиях, когда Российская Федерация декларирует приверженность базовым правовым стандартам, стратегической задачей остаётся обеспечение строгого соблюдения личных прав обвиняемого, включая презумпцию невиновности, а также исключение необоснованных

ограничений его свободы, особенно на этапе предварительного расследования.

Степень разработанности проблемы. В ходе написания теоретической части исследования мной использовались труды отечественных ученых, исследовавших данный институт. Среди них – П.А. Лупинская, Г.М. Резник, И.М. Хапаев, М.С. Строгович, И.И. Сухова, И.Я. Фойницкий, О.И. Цоколова, Э.К. Кутуев, О.В. Качалова, С.С. Арсентьева, А.Г. Халиулин, И.В. Соболев, Л.И. Даньшина, З.Д. Еникеев и др. Несмотря на достаточно обширную научную разработанность исследуемой темы, настоящее исследование является актуальной и уникальной научной работой, поскольку такие аспекты как эффективность заключения под стражу, соотношение этой меры принуждения с принципами уголовного процесса, которые ранее были недостаточно изучены.

Нормативная база исследования включает нормы международного права, Конституции РФ, Уголовного кодекса РФ, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, федеральные законы, материалы судебной практики.

Объектом исследования являются общественные отношения, которые складываются в процессе применения норм права, регламентирующих меру пресечения в виде заключения под стражу.

Предметом исследования являются уголовно-процессуальные нормы, положения научной доктрины, мнения специалистов и правоприменителей, связанных с заключением под стражу, а также материалы судебной практики.

Целью исследовательской работы является комплексный анализ института заключения под стражу, правоотношений, возникающих в процессе его применения, а также разработка рекомендаций по совершенствованию действующего законодательства.

Задачи исследования:

- проанализировать историю развития и возникновения меры пресечения в виде заключения под стражу;

- изучить значение и понятие заключения под стражу;
- проанализировать правовые основания и обстоятельств, которые учитываются при применении заключения под стражу;
- исследовать возможности изменения или отмены заключения под стражу на другую более мягкую меру пресечения;
- изучить существующие проблем правоприменительной практики и найти пути их решения;
- внести предложения, направленные на либерализацию данной меры пресечения в российском уголовном процессе.

Методология исследования. Методологической базой настоящего исследования послужили общенаучные методы:

- исторический,
- логический,
- системный,
- анализ,
- синтез,
- специальные – сравнительно-правовой, статистический.

Выводы, которые содержит данная научная работа, основаны на изучении норм таких отраслей как конституционное, уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное, гражданское право.

Обоснованность и достоверность представленных в работе выводов обеспечиваются опорой на широкий спектр авторитетных научных источников, актуальные нормы уголовно-процессуального законодательства, а также обобщением материалов действующей судебной практики, что позволило выстроить аргументированную и объективную исследовательскую базу.

Теоретическое значение заключается в том, что проведённый анализ мер пресечения, в частности заключения под стражу, осуществлён в рамках положений современного российского уголовно-процессуального права, что способствует углублению существующих научных подходов и вносит

дополнительную содержательную ценность в дискуссию о правомерности и целесообразности применения данной.

Практическая значимость настоящего исследования заключается в возможности использования его результатов в различных направлениях: от научных разработок и законотворческой деятельности до подготовки методических рекомендаций и совершенствования правоприменительной практики.

Полученные положения могут быть полезны государственным органам, участвующим в регулировании уголовно-процессуальной сферы, а также экспертному сообществу, занимающемуся реформированием законодательства.

Структура исследования. Настоящее исследование состоит из введения, трех глав, в которые входят шесть параграфов, заключения и библиографического списка. Структура работы обусловлена целью и задачами исследования.

Глава 1 Общая характеристика меры пресечения в виде заключения под стражу

1.1 История развития и возникновения меры пресечения в виде заключения под стражу в уголовном процессе России

В дореволюционный период российской правовой системы арсенал мер процессуального принуждения был крайне ограничен. Наиболее применимой и универсальной формой пресечения выступало помещение обвиняемого под стражу, несмотря на варьирующуюся терминологию в различные эпохи. Согласно Соборному уложению 1649 г., такая мера именовалась тюремным заключением и применялась практически повсеместно при расследовании преступлений. Однако, несмотря на частое использование, нормативное регулирование этого института оставалось крайне расплывчатым.

Во времена правления Петра I лишение свободы стало использоваться без должных правовых ограничений, что фактически открыло путь к произвольному лишению лиц свободы. Отсутствие четкой юридической процедуры применения мер пресечения обусловило широкое распространение наиболее простой и управляемой меры – ареста. В течение XVIII-XIX вв. заключение под стражу, фактически превратившись в доминирующий механизм временной изоляции, отличалось крайней жестокостью условий содержания. Зачастую обвиняемые длительное время оставались в тюремных учреждениях в ожидании суда, что сопровождалось массовыми нарушениями их базовых прав и свобод [47, с. 3].

Во времена Петра I существенно возросло число лиц, лишённых свободы до судебного разбирательства. Отсутствие чёткого разграничения между превентивными мерами и уголовными наказаниями обуславливало правовую неопределённость: заключение под стражу трактовалось не как временная мера обеспечения правосудия, а фактически как форма предварительного наказания. Лишь в последующий исторический период, в

частности при Екатерине II, начала формироваться концептуальная дифференциация этих понятий. На протяжении петровской эпохи условия содержания обвиняемых и осуждённых не различались ни по форме, ни по содержанию: лица, находящиеся под следствием, зачастую размещались в тех же тюремных помещениях, что и приговорённые. Этот вопрос не находил никакого отражения в законодательстве, что дополнительно усугубляло правовое положение заключённых.

Реформаторские инициативы в области уголовного судопроизводства были предприняты лишь при Екатерине II. Одним из первых шагов в этом направлении стало создание просветительского документа – «Наказа» Императрицы, подготовленного лично Екатериной на основе трудов представителей французского философского рационализма. Вслед за ним был утверждён «Устав благочиния», в котором впервые на нормативном уровне устанавливались критерии допустимости заключения под стражу, в частности, требования к наличию определённого набора доказательств, обосновывающих необходимость данной меры. Более того, в нем содержалась идея, что наказание никак не соотносится с мерами пресечения, задачи принципиально разные, но содержание под стражей «должно длиться, сколь можно меньше... Строгость содержания под стражею не может быть иная никакая, как та, которая нужна для пресечения обвиняемому побега или для открытия доказательств во преступлении (ст. 168)» [44, с. 61].

В период царствования Екатерины II в Российской империи была инициирована комплексное реформирование тюремной системы, нашедшее отражение в проекте «Тюрьмы в России». основополагающим принципом, заложенным в основу данного проекта, являлось требование отдельного содержания обвиняемых и уже осуждённых лиц, что представляло собой качественно новый подход к правам подсудимых. Императрица подчёркивала необходимость гуманизации условий предварительного заключения. Особое внимание в проекте уделялось также недопустимости совместного содержания лиц различного пола, что соответствовало идеям

европейской просветительской мысли, активно заимствуемой российским законодательством того времени.

Правотворческая деятельность Екатерины II сформировала нормативную и идеологическую платформу, на которой позднее базировались реформаторские усилия Александра II. Законодательные инициативы императрицы не только отразили тенденции эпохи, но и выразили её собственное восприятие проблемы подчинённости индивида государству.

С началом XIX в. уголовно-процессуальная система Российской империи претерпела определённые положительные изменения. Издание в 1832 г. официального Собрания законов впервые обозначило основы правового регулирования применения мер пресечения. Законодатель определил критерии допустимости заключения под стражу, среди которых фигурировали степень общественной опасности деяния, статус лица, привлекаемого к ответственности, а также объём и характер собранных доказательств.

Несмотря на формальное расширение арсенала доступных средств процессуального воздействия, включая, в частности, полицейский надзор и домашний арест, приоритетной формой оставалось лишение свободы. Заключение под стражу продолжало восприниматься как наиболее действенный способ воздействия на обвиняемого, включая психологическое давление, а также стимул к получению признательных показаний.

Коренные изменения в уголовно-правовом регулировании наступили с проведением масштабной судебной реформы 1864 г., инициированной императором Александром II. Эта реформа, как и другие институциональные преобразования того периода, стала откликом на нарастающий кризис административно-судебной системы, затронувший ключевые аспекты общественной и государственной жизни. Так, например, Т.Е. Новицкая и О.И. Чистяков полагают, что «судебная реформа, как и все реформы 60-70-х годов, была следствием глубокого социального кризиса. Однако чиновники,

которые имели весомый доход от неправосудия не были заинтересованы в реформе. Они были не готовы мириться с новыми законами» [7].

С принятием судебных уставов 1864 г. в России произошли фундаментальные изменения в сфере уголовного судопроизводства, включая пересмотр полномочий должностных лиц, задействованных в расследовании преступлений. Введённые нововведения способствовали постепенному отказу от инквизиционной модели следствия, характерной для дореформенного периода. Одним из значимых результатов стало ограничение компетенции органов жандармерии и полиции: им было запрещено осуществлять процессуальные действия, связанные с расследованием уголовных дел. Тем самым был положен конец практике произвольных следственных мероприятий, ранее нередко сопровождавшихся нарушением прав личности и превышением полномочий. Сокращение числа неправомερных арестов стало непосредственным следствием перехода к более формализованной и юридически урегулированной процедуре возбуждения уголовного дела. «Появились судебные следователи, они не подчинялись органам государственной власти. Полномочия прокуратуры претерпели изменения: прокурор стал стороной обвинения в суде, а сторона защиты получила равные права с ним. Кроме того, рассмотрение уголовных дел стало устным и гласным» [20, с. 2].

Среди значимых нормативных актов, повлиявших на эволюцию уголовного судопроизводства в Российской империи, особое место занимает Устав уголовного судопроизводства, принятый в рамках судебной реформы 1864 г. Одним из важнейших достижений данного акта стало нормативное закрепление принципа неприкосновенности личности – положения, обладающего для того времени безусловно прогрессивным характером. В отличие от прежних норм, направленных преимущественно на защиту интересов государства, новый подход ориентировался на обеспечение прав личности как основной ценности уголовного процесса. «Устав также заложил основы современной системы мер пресечения. Помимо заключения под

стражу, законодательно были предусмотрены альтернативные меры: передача обвиняемого под полицейский надзор, внесение залога, поручительство ответственного лица, подписка о невыезде, а также домашний арест. Впервые были кодифицированы условия выбора соответствующей меры, включавшие в себя анализ состояния здоровья обвиняемого, его пол, возраст, предполагаемый характер наказания, а также социальную принадлежность.

Заключение под стражу применялось, как правило, в отношении лиц, обвиняемых в преступлениях, за которые предусматривалась каторга. Тем не менее, следователь обладал процессуальной дискрецией: при наличии обстоятельств, смягчающих вину, он мог избрать менее жёсткую меру, в то время как неблагоприятные характеристики обвиняемого могли послужить основанием для ужесточения меры пресечения.

В соответствии с положениями Устава уголовного судопроизводства, ключевая роль в выборе и применении мер пресечения отводилась судебному следователю. Именно он наделялся полномочиями инициировать заключение под стражу, изменять его либо отменять, при этом обязан был оформлять свои действия соответствующим постановлением и направлять уведомление прокурору. Однако прокурор, обладая правом надзора, мог как потребовать от следователя применения более мягкой меры пресечения, так и самостоятельно принять соответствующее решение в установленном порядке.

Закон также предусматривал для обвиняемого возможность обжалования действий должностных лиц, задействованных в уголовном процессе. Арестованный имел право на личное участие в рассмотрении поданной жалобы в судебном заседании, что являлось прогрессивным шагом в направлении утверждения состязательности уголовного процесса» [7]. Хотя участие защитника в данной процедуре прямо не регламентировалось, сам факт допуска обвиняемого к правовой защите уже представлял собой значительное достижение для того времени.

Судебная реформа 1864 г. радикально изменила облик российского уголовного судопроизводства. Введение института присяжных заседателей

способствовало объективному рассмотрению уголовных дел и обеспечивало механизм общественного контроля над судебной и правоохранительной системой. Установление базовых принципов независимости и беспристрастности правосудия стало возможным благодаря отделению судебной власти от исполнительной.

«Прокуратура обрела статус самостоятельного надзорного органа, а объем процессуальных прав обвиняемого существенно расширился. Впервые в законодательной практике были чётко определены субъекты, наделённые полномочиями по избранию, изменению или отмене мер пресечения, а также зафиксирован порядок принятия соответствующих решений и основания, на которых они могли быть приняты» [32, с. 282]. Эти меры создали правовую основу для более справедливого и предсказуемого функционирования уголовного правосудия в Российской империи.

Несмотря на значительные достижения судебной реформы 1864 г., уголовно-процессуальное законодательство конца XIX в. сохраняло ряд нерешённых вопросов. Одним из наиболее существенных пробелов являлось отсутствие чётко установленного предельного срока содержания под стражей. На практике длительность изоляции, как правило, не превышала трёх лет – срок, который, несмотря на сокращение по сравнению с дореформенным периодом, всё же оставался произвольно определяемым и не имел нормативной границы. Радикальные изменения в правовой системе начались с установлением советской власти. «Приход большевиков к управлению государством обусловил глубокую трансформацию не только политической формы, но и всей системы нормативного регулирования. Новая власть приступила к пересмотру правовых основ, в том числе в сфере уголовного судопроизводства, что выразилось в появлении целого ряда новых декретов и положений, затрагивавших институцию мер пресечения.

Одним из первых таких документов стал Декрет о суде № 1 от 22 ноября 1917 г., отменивший некоторые меры, унаследованные от дореволюционного периода, включая передачу под полицейский надзор. Вместо этого была

внедрена новая форма – общественное поручительство, как отражение ориентации власти на «социалистическую правосознательность» и коллективную ответственность.

Переход к новой модели уголовного процесса продолжился с принятием Декрета ВЦИК от 21 октября 1920 г., утвердившего Положение «О народном суде РСФСР». Согласно ему, следователь получил официальное признание в качестве процессуальной фигуры, обладающей полномочиями по избранию любых мер пресечения, включая лишение свободы» [45, с. 56].

Особое значение имел Декрет ВЦИК от 6 февраля 1922 г. «Об упразднении ВЧК и о правилах производства выемок и арестов». Документ фактически уравнивал в юридическом значении понятия ареста и задержания. Прежняя обязанность оформлять арест отдельным постановлением была устранена; тем не менее, для продления срока содержания под стражей требовалось получить санкцию председателя Главного политического управления, что представляло собой своеобразную форму политико-административного контроля за репрессивными мерами.

«Отделил задержание от ареста УПК РСФСР, принятый в 1922 году. Отдано суду было применение мер пресечения. Согласно ст. 161 исключительной мерой стало заключение под стражу. Статьи 6 и 7 давали право прокуратуре и суду осуществлять надзор и контроль, а ст. 151 даровала прокурору право давать указания следователю относительно меры пресечения» [45, с. 32].

Таким образом, несмотря на масштабность проведённых после 1917 г. преобразований, революционные нововведения не привели к качественному совершенствованию уголовного судопроизводства. Следственные процедуры оставались далекими от демократических стандартов: принципы гласности и состязательности в советском уголовном процессе фактически отсутствовали. Политическая целесообразность доминировала над правовыми гарантиями личности. Молодое советское государство, формировавшееся в условиях идеологического конфликта и стремления к экспорту революции, в первую

очередь стремилось к удержанию власти, а не к построению правовой модели защиты прав обвиняемых.

Определённый сдвиг в сторону юридической упорядоченности был зафиксирован лишь в более поздний период. Согласно «Основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» 1958 г., мера заключения под стражу могла применяться только в отношении лиц, в отношении которых было очевидно, что по итогам рассмотрения дела может быть назначено наказание, связанное с реальным лишением свободы. Особого внимания заслуживает ст. 13 указанного акта, обладавшая для своего времени демократическим потенциалом. В ней закреплялось право обвиняемого использовать любые законные средства и способы защиты. «Обязанность по обеспечению реализации этого права возлагалась на следователя и прокурора, что, по замыслу правоприменителей, должно было служить препятствием для должностных злоупотреблений и укреплять гарантии для стороны защиты. Многие положения «Основ» нашли своё отражение в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР. В частности, были детализированы условия и основания применения мер пресечения, что стало важным этапом в институциональном оформлении советской процессуальной модели, пусть и сохранявшей множество системных ограничений» [47, с. 5].

Согласно мнению ряда исследователей, правовые преобразования, реализованные в период с 1958 по 1961 гг., существенно повлияли на снижение уровня переполненности следственных изоляторов, улучшение условий содержания под стражей и сдерживание распространённой ранее практики произвольных арестов [7].

В современной редакции Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предусмотрено чёткое разграничение порядка применения каждой из мер пресечения. Законодатель внедрил комплекс процессуальных гарантий и разработал специальную систему, регулиующую судебное избрание ограничительных мер. В сравнении с нормативными актами советского периода, действующий УПК РФ демонстрирует меньшую

степень инквизиционности и более высокий уровень процессуальной свободы сторон. Такие меры, как домашний арест и внесение залога, в настоящее время получили широкое распространение в правоприменительной практике и активно анализируются в трудах как российских, так и зарубежных процессуалистов. При этом традиционные институты (подписка о невыезде и заключение под стражу) продолжают оставаться ключевыми средствами обеспечения участия обвиняемого в уголовном процессе и предметом постоянного научного и правового обсуждения.

История заключения под стражу как меры пресечения представляет собой сложный и многослойный правовой феномен, тесно связанный с политическим устройством государства и уровнем развития его правовой культуры. На протяжении веков именно эта мера сохраняла устойчивое доминирование среди иных способов процессуального воздействия, эволюционируя в зависимости от приоритетов государственной власти, социальной структуры общества и правовых доктрин конкретного исторического периода. Анализ нормативных источников и практики применения заключения под стражу позволяет утверждать, что законодатель неизменно стремился обеспечить не только эффективность, но и управляемость процессуального контроля над обвиняемыми и подозреваемыми. Постепенное развитие системы мер пресечения сопровождалось переходом от произвольного лишения свободы к более сбалансированным и регламентированным формам ограничения личной свободы, подкреплённым судебным контролем и расширением процессуальных прав стороны защиты. Представляется, что в дальнейшем развитие уголовно-процессуального законодательства будет направлено на дальнейшее совершенствование уже существующих мер пресечения и внедрение новых, более гибких и правозащищённых инструментов. При этом важнейшим ресурсом для будущих законодательных решений остаётся исторический опыт, накопленный в разные эпохи правового развития.

1.2 Понятие и значение меры пресечения в виде заключения под стражу

Заключение под стражу представляет собой одну из наиболее значимых и ответственных мер пресечения в уголовно-процессуальной системе. Её правовая сущность заключается в изоляции лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, с целью пресечения возможного воспрепятствования осуществлению правосудия. Основной задачей данной меры является обеспечение исполнения процессуальных обязанностей и предотвращение действий, способных повлиять на исход расследования: сокрытие от органов правосудия, давление на свидетелей или уничтожение вещественных доказательств. Следует подчеркнуть, что применение ареста допустимо исключительно на основании судебного решения и лишь при условии, что иные, менее строгие меры не способны в достаточной степени обеспечить достижение целей уголовного судопроизводства.

Сущность заключения под стражу связана с принципом законности и справедливости. Применение такой меры требует строгого соблюдения процессуальных гарантий защиты прав человека, включая право на защиту, право на справедливое судебное разбирательство и право не подвергаться произвольному аресту. Процессуальный кодекс устанавливает, что заключение под стражу возможно только при наличии достаточных доказательств вины и серьёзности обвинения.

В толковом словаре Д.Н. Ушакова термин заключать имеет значение «поместить кого-либо под запер, лишая свободы, под стражей понимается вооруженная охрана» [41, с. 23].

На практике термины «предварительное заключение» и «арест» часто используют как синонимы. «С помощью логико-юридического и грамматического анализа можно сделать вывод, что данные термины верно отражают суть рассматриваемой меры пресечения, поэтому их использование

в уголовно-процессуальной теории и на практике в качестве синонимов корректно» [50, с. 5].

На сегодняшний день в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации не содержится легального определения понятия «заключение под стражу» [39]. Отсутствие кодифицированного формулирования порождает определённую доктринальную неопределённость: в научной литературе отсутствует единый подход к трактовке правовой природы данной меры пресечения, а взгляды исследователей на её сущность и функциональные характеристики нередко расходятся.

Одной из наиболее устойчивых в теории уголовного процесса является позиция, согласно которой заключение под стражу предназначено прежде всего для обеспечения исполнения судебного приговора, предупреждения возможных неправомерных действий со стороны обвиняемого, а также предотвращения угрозы справедливому осуществлению правосудия. В отличие от уголовного наказания, заключение под стражу обладает исключительно предварительным характером, что является её ключевой особенностью. Под этим понимается изоляция обвиняемого от общества ещё до принятия окончательного решения по делу, с целью нейтрализации потенциального воздействия на свидетелей, доказательства и ход следствия в целом. Указанный подход представляется обоснованным, поскольку цели применения мер пресечения принципиально отличаются от целей уголовного наказания. Если первые направлены на обеспечение полноты и объективности предварительного расследования, в частности, на «установление фактических обстоятельств дела и сбор доказательственной базы, то вторые, как закреплено в ст. 43 УК РФ, ориентированы на восстановление социальной справедливости, исправление осуждённого и предупреждение новых преступлений» [40, с. 22].

Л.В. Кокорева пишет: «меры пресечения не являются частью наказания, они являются самостоятельным методом уголовно-правового воздействия,

поскольку вероятность назначения наказания обвиняемому приговором суда велика» [12, с. 104].

Сравнительный анализ правовой природы заключения под стражу и уголовного наказания позволяет выявить ряд принципиальных различий, имеющих как процессуальное, так и функциональное значение.

Во-первых, данные институты различаются по правовому статусу лица, в отношении которого они применяются. «Наказание назначается исключительно на основании обвинительного приговора, вступившего в законную силу, и касается лица, признанного виновным в совершении преступления. Напротив, заключение под стражу применяется в отношении подозреваемого или обвиняемого – лица, чья виновность ещё не установлена судом, а потому оно продолжает рассматриваться как заведомо невиновное» [23, с. 295]. Соответственно, пребывание в следственном изоляторе принципиально отличается от отбывания наказания в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Во-вторых, меры пресечения, включая арест, не преследуют цели воздействия на личность обвиняемого. Их функция исключительно процессуальная: временно изолировать лицо от общества для обеспечения нормального хода расследования и судебного разбирательства. В отличие от этого, наказание выполняет ряд целей, прямо закреплённых в ст. 43 УК РФ: восстановление социальной справедливости, исправление осуждённого и предупреждение совершения новых преступлений.

В-третьих, различия проявляются в правовом регулировании сроков и порядка исполнения. В соответствии с ч. 1 ст. 109 УПК РФ, максимальный срок содержания под стражей на этапе предварительного расследования составляет два месяца, за исключением случаев продления. Напротив, «срок лишения свободы в качестве наказания определяется судом при вынесении приговора и варьируется в зависимости от тяжести преступления. Пребывание обвиняемого в следственном изоляторе регламентируется нормами уголовно-процессуального законодательства, в то время как исполнение наказания

осуществляется на основании положений уголовно-исполнительного права» [31, с. 136].

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве цели заключения под стражу как меры пресечения не формулируются в явном виде. Тем не менее, в научной доктрине сформировалось несколько подходов к их интерпретации. Одним из распространённых является взгляд, согласно которому арест служит механизмом защиты общественных интересов. В рамках этого подхода временное ограничение конституционных прав может рассматриваться как допустимое и даже необходимое условие для обеспечения общественной стабильности, защиты граждан от возможных противоправных действий обвиняемого, а также минимизации социальной напряжённости. Позиция, акцентирующая внимание на государственной функции обеспечения общественной безопасности, исходит из понимания государства как институционального представителя общества в целом. Его обязанность заключается не только в охране индивидуальных интересов, но и в обеспечении общего правопорядка, предотвращении угроз, исходящих от лиц, привлекаемых к уголовной ответственности.

В отличие от этого, цели уголовного наказания прямо закреплены в ст. 43 Уголовного кодекса РФ и строго ограничены законодателем. В случае с мерами пресечения, включая заключение под стражу, цели можно интерпретировать через их функциональное содержание. Речь идёт о предотвращении воспрепятствования расследованию, исключении риска сокрытия от правосудия, уничтожения доказательств либо давления на участников уголовного процесса. Эти задачи вытекают из самой правовой природы института мер пресечения и, по мнению ряда учёных, не нуждаются в дополнительной формализации.

Следует отметить, что меры пресечения представляют собой структурно важный элемент системы уголовно-процессуального принуждения. Их назначение заключается в обеспечении эффективного функционирования механизма правосудия в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в

совершении преступлений. В то же время их применение неизбежно связано с существенным ограничением прав и свобод, что требует особого уровня обоснованности, судебного контроля и строгого соблюдения принципов соразмерности и законности.

Так или иначе, меры пресечения обладают следующими качественными характеристиками:

- «это наиболее значимая составная часть мер уголовно-процессуального принуждения;
- они избираются лишь в отношении обвиняемого, а в исключительных случаях – подозреваемого;
- допускаются только при наличии оснований и условий, предусмотренных УПК РФ;
- субъектами их применения являются дознаватель, следователь и суд;
- избрание мер пресечения всегда связано с ущемлением прав, свобод и законных интересов определенной категории лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства в качестве подозреваемого и обвиняемого» [12, с. 106].

Г.М. Резник писал, что «заключение под стражу предусматривает не только полную изоляцию обвиняемого от общества, но и представляет собой максимально возможный (по сравнению с другими мерами пресечения) в уголовном судопроизводстве объем правовых ограничений для него.

Изоляция от общества - это, безусловно, вынужденная мера государственного принуждения, поскольку противоречит естественному состоянию человека, она должна отвечать следующим требованиям:

- основана исключительно на действующих нормах права;
- имеет карательно-превентивный характер и нацелена на защиту общества от правонарушений;
- данная мера предусматривает наличие специальных учреждений с определенными условиями содержания для жизни находящихся там лиц;

- за деятельностью по ее применению ведется постоянный контроль, и она может быть обжалована;
- изоляция обвиняемых (подозреваемых) имеет определенный законом срок;
- изоляция преследует определенные цели;
- изоляция не направлена на причинение физических и нравственных страданий обвиняемому (подозреваемому). Напротив, лицам, содержащимся в следственных изоляторах, должны быть предоставлены нормальные условия для жизни и гуманное отношение со стороны сотрудников СИЗО» [30, с. 45].

Я.И. Баршев утверждает: «Важно подчеркнуть предупредительный характер заключения под стражу, поскольку обвиняемый не сможет скрыться от суда и следствия, угрожать потерпевшим и свидетелям, другим участникам процесса или иным образом воспрепятствовать установлению истины по уголовному делу» [4, с. 82].

Изучая заключение под стражу как правовой институт необходимо также обратиться к термину «применение». По мнению Ушакова А.С. термин «применение» означает «деятельность участников уголовного судопроизводства, осуществляемую в рамках реализации их процессуальных обязанностей и прав, связанную с отменой, избранием, изменением, продлением, исполнением меры пресечения, а также обжалованием решений о мере пресечения и разрешением такого обжалования вышестоящим судом» [40, с. 25].

В соответствии с п. п. 13 и 29 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в законодательстве проводится разграничение между понятиями «избрание меры пресечения» и «применение меры пресечения». Избрание подразумевает принятие судебного решения о необходимости применения конкретной меры в отношении обвиняемого или подозреваемого. В свою очередь, под применением понимается совокупность процессуальных действий, связанных не только с избранием, но и с отменой либо изменением

ранее принятой меры пресечения. «Несмотря на нормативное разграничение данных терминов, в научной литературе и правоприменительной практике они нередко используются как синонимы, что, с точки зрения теории уголовного процесса, представляется методологически некорректным и способным повлечь за собой неточности в интерпретации процессуальных норм» [34, с. 54].

Особое внимание должно уделяться правомерности избрания наиболее строгих мер пресечения, в частности, заключения под стражу. Поскольку такие меры сопряжены с серьёзным вмешательством в сферу личных прав и свобод человека, любое их применение должно быть обоснованным, соразмерным и строго соответствовать требованиям закона. Нарушения на этом этапе способны повлечь не только правовые последствия, но и подорвать доверие к системе правосудия в целом. Кроме того, важным элементом правовой оценки применения меры пресечения выступает её фактическая эффективность. А.П. Гуляев считал, что «влияние меры пресечения можно считать эффективным только в том случае, если она удерживает привлекаемое к уголовной ответственности лицо от поступков и действий, противоречащих целям мер пресечения, при этом издержки меры пресечения не должны превышать допустимый предел» [6, с. 7].

Согласно ч.1 ст. 6 УПК РФ «назначением уголовного судопроизводства является защита личности от незаконного и необоснованного осуждения, обвинения, ограничения ее свобод и прав». В ч. 3 ст. 55 Конституции закреплено условие ограничения прав и свобод личности, согласно которому «только федеральный закон может ограничить права и свободы граждан, но лишь в случае защиты основ конституционного строя, здоровья, нравственности и интересов других лиц, а также безопасности и обороны государства» [14]. Учитывая предписания действующего законодательства, можно сделать вывод о том, что при выборе меры пресечения в виде заключения под стражу следует руководствоваться высокими нравственными стандартами. Эта мера, обладая ярко выраженным репрессивным

потенциалом, способна оказывать неблагоприятное воздействие не только на психологическое состояние личности, но и на её жизненный путь в целом.

В условиях безукоризненного нравственного ориентирования лиц, наделённых процессуальными полномочиями (следователей, прокуроров, судей, дознавателей), в ряде случаев возникновение необходимости в применении уголовно-процессуального принуждения могло бы быть сведено к минимуму.

Тем не менее механизм правового воздействия в виде процессуального принуждения остаётся неотъемлемым элементом уголовного судопроизводства, поскольку не существует объективной гарантии, что все лица, привлекаемые к уголовной ответственности, будут проявлять добросовестность и соблюдать возложенные на них процессуальные обязанности добровольно.

Не менее интересно и мнение Л.Н. Поповой, которая писала, что «невозможно сравнить меры пресечения только по тому, в какой степени та или другая мера пресекает неправомерное поведение обвиняемого. Необходимо пользоваться более широким понятием оптимальности мер пресечения, которое включает не только степень достижения целей, но и реально существующую потребность в избрании именно конкретной меры пресечения» [23, с. 295].

«Принятие решения о применении меры пресечения в виде заключения под стражу требует от уполномоченного процессуального субъекта индивидуальной и самостоятельной оценки целесообразности её использования в каждом конкретном случае. При наличии возможности избежания применения столь жёсткой меры следует отдавать предпочтение менее репрессивным средствам процессуального воздействия» [30, с. 89]. В то же время неадекватный выбор меры пресечения может повлечь за собой серьёзные правовые и фактические последствия, включая посягательства на права и законные интересы потерпевших и свидетелей, рецидив преступного поведения, а также попытки уклонения от участия в следственных действиях.

Соблюдение необходимого баланса между обеспечением эффективности расследования и недопущением чрезмерного ограничения прав личности представляет собой сложную и ответственно возлагаемую на следователя задачу. Тем не менее в процессе принятия решений представители правоохранительной системы зачастую ориентируются на сложившуюся правоприменительную практику, которая оказывает значительное влияние на выбор меры. Юридическая природа данного института обладает комплексным характером, объединяя в себе элементы как уголовно-процессуального, так и уголовно-исполнительного регулирования.

Процесс исполнения заключения под стражу (порядок) регулируется Федеральным законом от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [42], время механизм применения регулируются УПК РФ.

В рамках научной дискуссии прослеживается наличие различных интерпретаций правовой природы института предварительного заключения. Одним из доминирующих подходов выступает точка зрения, согласно которой данная мера, являясь частью уголовно-процессуального механизма, реализуется посредством процедур и механизмов, характерных для уголовно-исполнительной сферы. Д.Я. Бегова полагает, что «правоотношения по исполнению анализируемой меры пресечения возникают как уголовно-процессуальные, но в ходе своей реализации возникает самостоятельная форма правоотношений, которая занимает промежуточное положение между уголовно-исполнительными и уголовно-процессуальными» [5, с. 2].

«Для уяснения различий между заключением под стражу и лишением свободы достаточно проанализировать цели, которые ставятся перед применением уголовного наказания и меры пресечения. Заключение под стражу как самая строгая мера пресечения преследует своей целью создание оптимальных условий для участия обвиняемого (подозреваемого) в уголовном процессе посредством пресечения его потенциальной возможности скрыться от дознания, следствия или суда, продолжить преступную деятельность,

угрожать свидетелю и другим участниками уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по делу, а также для исполнения приговора и предполагаемой выдачи лица в порядке статьи 466 УПК РФ.

Некоторые процессуалисты одним из аспектов назначения применения заключения под стражу считают предотвращение возможности лица воспрепятствовать установлению истины по делу. Между тем, ныне действующий УПК РФ не предусматривает установление истины в качестве цели доказывания по уголовному делу, и уж тем более не включает ее в основания для избрания заключения под стражу как меры пресечения» [5, с. 4].

Однако, как справедливо утверждает А.А. Сумин, без достижения обозначенной цели уголовное судопроизводство не решит ни одну из задач, связанных со своим назначением, закрепленным в статье 6 УПК РФ. В связи с изложенным вполне оправданно, что воспрепятствование установлению истины является составным элементом (частью) воспрепятствования производству по делу в целом [35, с. 23].

«Уголовное наказание, включая лишение свободы, преследует три взаимосвязанные цели: восстановление социальной справедливости, коррекцию поведения осуждённого и предотвращение рецидива. В отличие от этого, мера пресечения в виде заключения под стражу не предназначена для наказания и, исходя из её правовой природы, не должна носить карательного характера» [4, с. 46]. Однако в реальности данное положение представляется спорным, поскольку изоляция обвиняемого или подозреваемого от общества в условиях следственного изолятора неизбежно сопряжена с моральными и, нередко, физическими лишениями, что по своей сути приближает её к элементам наказания.

Дополнительное подтверждение тезиса о разграничении институтов меры пресечения и уголовного наказания можно усмотреть в различии статуса учреждений, в которых содержатся указанные категории лиц. Лица, находящиеся под стражей в порядке уголовного преследования, содержатся в

следственных изоляторах, в то время как осуждённые, в отношении которых вынесен обвинительный приговор, отбывают наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

В соответствии со ст. 7 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» обвиняемые и подозреваемые, заключенные под стражу, содержатся в следственных изоляторах и изоляторах временного содержания.

Режим содержания под стражей устанавливается Конституцией РФ, указанным законом, иными нормами и правилами, согласно которым образ их жизни в следственном изоляторе или изоляторе временного содержания определяется изоляцией от общества, отдельным размещением по камерам, охраной таких лиц, надзором за ними, внутренним распорядком дня, правовым положением обвиняемых, подозреваемых, а также администрации и сотрудников соответствующего учреждения. Исполнение наказания в виде лишения свободы, назначенного на основании вступившего в законную силу обвинительного приговора, осуществляется в строго определённых учреждениях уголовно-исполнительной системы, таких как колонии-поселения, воспитательные колонии, лечебные исправительные учреждения, исправительные колонии различного режима (общего, строгого, особого), а также тюрьмы (см. ч. 9 ст. 16 УИК РФ). Следовательно, «мера пресечения в форме заключения под стражу применяется исключительно до момента вступления приговора в законную силу, при условии, что она не была отменена либо заменена на более мягкую. В отличие от неё, исполнение наказания в виде лишения свободы возможно лишь после утверждения обвинительного приговора судом» [21, с. 312].

Сущность заключения под стражу заключается во временной изоляции обвиняемого от общества, которая осуществляется в специализированных учреждениях – следственных изоляторах и изоляторах временного содержания. Данная мера обладает ограниченным по времени действием, регламентирована самостоятельной процедурой назначения и преследует

цели, отличные от тех, что ставятся перед уголовным наказанием. Её практическое значение заключается в обеспечении объективного, беспристрастного и эффективного предварительного расследования, а также в создании условий для всестороннего сбора, анализа и оценки доказательственного материала.

Значение такой меры пресечения крайне велико, поскольку она напрямую влияет на обеспечение эффективности и непрерывности процессуальных действий. Однако всегда следует помнить о балансе между необходимостью обеспечения правопорядка и соблюдением основных прав и свобод человека. Злоупотребление такой мерой может привести к нарушению прав человека и подорвать доверие к правосудию.

Применение заключения под стражу должно сопровождаться четкими и прозрачными критериями его назначения, а также регулярным пересмотром обоснованности его продления. Это помогает минимизировать риски несправедливого ограничения личной свободы и поддерживать доверие к правовой системе.

Глава 2 Процессуальный порядок избрания меры пресечения в виде заключения под стражу

2.1 Основания и обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу

Принятие решения о применении заключения под стражу в качестве меры пресечения представляет собой ключевой этап уголовного судопроизводства, предполагающий всестороннюю правовую оценку обстоятельств дела и неукоснительное соблюдение норм процессуального законодательства. Основания для такого решения должны быть не только законными, но и обоснованными, учитывая как общественную опасность деяния, так и личные характеристики подозреваемого или обвиняемого.

Согласно ч. 1 ст. 97 УПК РФ «следователь, дознаватель, или суд вправе избрать подозреваемому или обвиняемому одну из мер пресечения при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый или подозреваемый, может продолжать заниматься преступной деятельностью, скроется от дознания, предварительного следствия или суда, может уничтожить доказательства или угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, либо иным образом препятствовать производству по уголовному делу». Согласно ч. 2 ст. 97 УПК РФ мера пресечения может избираться для обеспечения исполнения приговора или возможной выдачи лица [39].

Определяющим фактором при выборе меры пресечения в форме заключения под стражу выступает наличие обоснованных оснований полагать, что в отсутствие данной меры обвиняемый может уклониться от органов предварительного расследования и суда, воспрепятствовать установлению объективной истины по делу, включая попытки давления на свидетелей, либо продолжить противоправную деятельность. Суд должен

убедиться, что более мягкие меры, такие как подписка о невыезде или домашний арест, не будут эффективны в данной ситуации.

В процессе принятия решения о заключении под стражу большое значение придается анализу доказательств, представленных следствием. Суд анализирует не только доказательства вины, но и доказательства, касающиеся рисков, связанных с возможным освобождением подозреваемого. Это требует от суда высокой степени объективности и непредвзятости.

«Принятие решения о необходимости применения меры пресечения, включая заключение под стражу, относится к компетенции уполномоченного должностного лица и не является его прямой обязанностью. Тем не менее в правоприменительной практике крайне редко встречаются случаи, когда в отношении обвиняемого вовсе не применяется какая-либо мера пресечения. Правовая норма, регулирующая данный аспект, носит предвосхищающий характер, поскольку допускает возможность наступления потенциально препятствующих правосудию событий в будущем. При этом в её содержании закреплено требование о наличии достаточных оснований для избрания меры, что наделяет должностное лицо значительным объёмом усмотрения» [36, с. 19]. Подобные основания на практике могут выражаться, например, в приобретении билетов для выезда, демонстративном отказе от взаимодействия со следственными органами и иных действиях, указывающих на риск уклонения или давления на участников процесса. Оценка достаточности таких данных возлагается на процессуального субъекта.

Также важно учитывать личные обстоятельства обвиняемого, в том числе его семейное положение, состояние здоровья, наличие постоянного источника дохода и связи с местом жительства. Эти факторы могут свидетельствовать о меньшей вероятности того, что лицо попытается скрыться от правосудия.

В отсутствие достоверной и верифицируемой информации недопустимо предполагать наличие у обвиняемого намерения скрыться либо вновь совершить преступление. Подобные заключения, не подтверждённые

фактами, вступают в противоречие с основополагающими принципами правосудия, включая презумпцию невиновности и необходимость доказывания. Л.К. Трунова считает, что «недостаточно лишь предположения о возможной угрозе со стороны обвиняемого в адрес свидетеля для вывода об избрании меры пресечения. Для обоснованного применения меры пресечения необходимо, чтобы выводы о наличии указанных в законе обстоятельств, составляющих основания для применения меры пресечения, во-первых, существовали в реальности, во-вторых подкреплялись достаточными и достоверными данными» [37, с. 75].

Понятие «здравый смысл» достаточно широко используется в юридической литературе при анализе предпосылок для прогнозирования поведения обвиняемого. Однако следует отметить, что в научной среде отсутствует единое понимание содержания данной категории, что порождает методологическую неопределённость при её применении к оценке вероятности совершения противоправных действий в будущем. О.Ц. Цоколова утверждает: «Использовать указанный подход вполне целесообразно при определении вероятности обстоятельств, возможность наступления которых служит основанием для избрания меры пресечения» [48, с. 101].

Л.К. Трунова пишет: «термин «достаточно полагать» является оценочным и субъективным, поэтому его использование в законодательстве крайне нежелательно. Вероятность наступления противоправного поведения не может выступать основанием для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, а только уже совершившиеся фактические обстоятельства» [37, с. 79].

В юридической науке отсутствует единое толкование выражения «при наличии достаточных оснований полагать», применяемого при решении вопроса об избрании меры пресечения. Одни исследователи настаивают на необходимости наличия достоверных доказательств неправомерных действий со стороны обвиняемого, другие же полагают, что достаточно лишь высокой вероятности совершения им противоправных поступков в будущем.

Указанная формулировка носит оценочный характер, что обуславливает её субъективное восприятие и широкие возможности для интерпретации. «Процессуальное лицо, руководствуясь собственными знаниями, опытом и профессиональной интуицией, формирует прогноз относительно потенциального поведения обвиняемого. Вместе с тем, представляется, что при направлении в суд ходатайства о заключении под стражу, следователь обязан представить объективные, проверяемые факты, свидетельствующие о наличии реальных рисков, которые бы обосновывали необходимость применения данной меры» [34, с. 27].

Рассмотрим пример из судебной практики. «В 2022 г. Московский городской суд рассмотрел апелляционную жалобу прокурора на постановление Тверского районного суда, которым было отказано в удовлетворении ходатайства следователя о заключении под стражу гражданина С., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. Прокурор настаивала на том, что суд первой инстанции не в полной мере учёл обстоятельства дела. В частности, преступление было совершено в составе группы, члены которой оставались на свободе и не были подвергнуты следственным действиям. С учётом этого обвиняемый, находясь на свободе, мог информировать соучастников о ходе расследования, тем самым препятствуя их задержанию.

Тем не менее, апелляционная инстанция пришла к выводу о необоснованности доводов стороны обвинения. Московский городской суд указал на отсутствие конкретных фактических данных, подтверждающих реальность заявленных угроз. Доводы прокуратуры были признаны гипотетическими и неубедительными. При этом суд обратил внимание на наличие у обвиняемого устойчивых социальных связей, наличие малолетнего ребёнка и постоянного места жительства, что было подтверждено материалами дела. В заключение судебная коллегия подчеркнула исключительный характер меры заключения под стражу, допустимой лишь при наличии весомых и достоверных оснований» [1].

Требование о достаточности данных закреплено в п. 3 Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога»: «Заключение под стражу не может быть избрано в качестве меры пресечения, если отсутствуют предусмотренные ст. 97 УПК РФ основания, а именно: данные о том, что подозреваемый или обвиняемый может скрыться от дознания, предварительного следствия или суда» [22].

В пункте 5 указанного выше Постановления сформулировано требование о необходимости наличия реальной угрозы совершения действий, предусмотренных ст. 97 УПК РФ. «Под угрозой в юридическом смысле понимается устное или письменное выражение намерения причинить конкретному лицу или группе лиц физический, моральный либо имущественный вред. Согласно разъяснениям, изложенным в п. 29 того же Постановления, следователь и суд обязаны осуществлять правовую оценку реальности подобной угрозы, причём данная оценка должна основываться на объективных данных и быть мотивированной с точки зрения правоприменения.

Особую группу составляют специальные основания, обуславливающие возможность выбора конкретной меры пресечения. В частности, ч. 1 ст. 108 УПК РФ устанавливает, что заключение под стражу может быть применено в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, наказание за которое превышает три года лишения свободы. В случае с несовершеннолетними речь идёт исключительно о тяжких и особо тяжких преступлениях. При этом, если преступление не относится к категории тяжких, а максимальная санкция не превышает трёх лет, применение заключения под стражу допускается только при наличии исключительных обстоятельств. Кроме того, обязательным условием для избрания данной меры является невозможность применения иных, менее репрессивных процессуальных средств» [30, с. 105].

Суд обязан проверить причастность лица к преступлению. Подтверждением этому служат следующие нормативные акты: Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (ст. 5) [13] (документ прекратил действие в отношении России с 16 марта 2022 года, Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ) [43], Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» (п. 2) [22].

На основании положений, изложенных в соответствующем Постановлении высшей судебной инстанции, можно выделить ряд ключевых правовых позиций, регламентирующих порядок рассмотрения ходатайства о заключении под стражу:

- «следователь обязан представить в суд материалы уголовного дела, содержащие фактические данные, подтверждающие наличие правовых оснований для применения меры пресечения в виде заключения под стражу. Суд, в свою очередь, должен обеспечить всестороннее и объективное исследование предоставленных доказательств;
- в рамках судебного заседания, проводимого по вопросу избрания меры пресечения, оценивается исключительно обоснованность применяемой меры. Вопрос о виновности либо невиновности лица на данной стадии уголовного процесса не рассматривается и не подлежит обсуждению;
- законодатель допускает возможность отказа от использования ограничительных мер, если характер совершённого деяния и конкретные обстоятельства дела не требуют вмешательства в личную свободу подозреваемого или обвиняемого;
- суды обязаны учитывать степень общественной опасности деяния и воздерживаться от применения заключения под стражу в отношении

лиц, в действиях которых усматриваются признаки преступлений небольшой тяжести» [29, с. 5];

- неполное проведение оперативно-розыскных либо следственных действий не может служить самостоятельным и достаточным основанием для продления срока содержания под стражей. Требуется дополнительное обоснование необходимости такой меры;
- постановление суда, в котором обосновывается избрание меры пресечения, должно соответствовать общим требованиям, предъявляемым к судебным решениям. Оно должно быть законным, мотивированным и обоснованным, при этом не допускается простое воспроизведение доводов следственного ходатайства без критической их оценки.

«Существенный шаг в направлении гуманизации уголовно-процессуального законодательства был предпринят в конце 2009 г., когда статья 108 УПК РФ была дополнена частью 1.1. Указанное положение установило запрет на применение меры пресечения в виде заключения под стражу к лицам, подозреваемым или обвиняемым в совершении ряда преступлений, при отсутствии условий, изложенных в подпунктах 1-4 части 1 той же статьи» [29, с. 5].

Появление данной нормы было обусловлено необходимостью противодействия злоупотреблениям в сфере уголовного преследования по экономическим статьям, когда корпоративные конфликты становились формальным основанием для возбуждения дел. В подобного рода ситуациях фигуранты, как правило, не представляют угрозы для общественной безопасности и не располагают возможностями воспрепятствовать ходу расследования, что делает применение наиболее жёсткой меры пресечения избыточным и юридически необоснованным.

В соответствии с частью 3 ст. 108 УПК РФ, ходатайство о применении заключения под стражу может быть инициировано дознавателем - при наличии согласия прокурора, или следователем - при наличии одобрения со

стороны руководителя следственного органа. Такое постановление должно содержать обоснованное изложение обстоятельств, указывающих на необходимость заключения лица под стражу, а также подтверждение невозможности применения иной, менее строгой меры пресечения. Таким образом, закон возлагает на инициатора ходатайства обязанность по аргументированному доказыванию исключительного характера ситуации, требующей временной изоляции обвиняемого.

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством, к постановлению о возбуждении ходатайства о заключении под стражу должны прилагаться материалы, подтверждающие обоснованность заявленного требования. Однако в нормах УПК РФ отсутствует исчерпывающий перечень таких материалов, равно как и чётко определённые вопросы, подлежащие выяснению судом при рассмотрении соответствующего ходатайства. Эта неопределённость способствует возникновению разночтений как в научной среде, так и среди правоприменителей, что, в свою очередь, порождает противоречивую судебную практику.

Разъяснения по данному вопросу были даны Пленумом Верховного Суда РФ в Постановлении № 1 от 5 марта 2004 г. В соответствии с указанной правовой позицией, при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу суд обязан установить наличие ряда процессуальных документов: копии постановления о возбуждении уголовного дела, постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, протоколов задержания, допросов, а также иных материалов, подтверждающих обоснованность подозрения в причастности к совершённом преступлении. «Кроме того, необходимо представить сведения, свидетельствующие об участии защитника в уголовном деле, а также материалы, характеризующие личность подозреваемого или обвиняемого (например, справки о наличии судимости, сведения о месте жительства, социальном статусе и тому подобное). Важнейшим элементом обоснования является доказательство того,

что в конкретной ситуации не может быть применена менее строгая мера пресечения, такая как залог, запрет определённых действий или домашний арест. Только при наличии всех указанных элементов суд может прийти к мотивированному и законному выводу о необходимости временного заключения лица под стражу» [18].

Подход, в соответствии с которым следует представлять в суд уголовное дело целиком, а не материалы, которые составляют подтверждение обоснованность ходатайства, вызывает сомнения.

В первую очередь следует отметить, что «данный подход не соотносится с предусмотренными частью третьей статьи 108 уголовно-процессуального закона требованиями. В данной норме указано - приложением к постановлению должны выступать материалы, подтверждающие обоснованность ходатайства.

Во-вторых, на начальной стадии расследования по сложным и неочевидным уголовным делам нередко возникают трудности с установлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. До момента предъявления обвинения и постановки вопроса об избрании меры пресечения может быть проделан значительный объём следственной работы, результаты которой нередко оформляются в виде многотомного уголовного дела» [29, с. 6]. В таких ситуациях направление дела в суд с целью рассмотрения ходатайства о заключении под стражу фактически приводит к тому, что судья вынужден анализировать большое количество материалов, не имеющих непосредственного отношения к предмету рассматриваемого вопроса. Кроме того, при расследовании дел, включающих множественные эпизоды преступной деятельности и несколько обвиняемых, необходимость в применении заключения под стражу может возникнуть только в отношении одного или нескольких лиц. В таких условиях представление суду материалов, относящихся к иным фигурантам, не имеющим отношения к рассматриваемому ходатайству, оказывается нецелесообразным и может

затруднить принятие обоснованного и оперативного процессуального решения.

«Еще один аргумент в пользу спорности указанного подхода - если судья будет открыто проверять все материалы по делу, тайна следствия будет нарушена, могут в дальнейшем возникнуть затруднения в расследовании.

Кроме того, личная безопасность лиц, являющихся свидетелями, потерпевшими может быть поставлена под угрозу. В этой связи необходимо руководствоваться при формировании представляемых в суд в обоснование ходатайства материалов достаточностью данных материалов для рассмотрения ходатайства. Также следует учитывать необходимость обеспечивать при этом тайну следствия.

На практике возник вопрос относительно того, может ли судья при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу оценивать виновность обвиняемого в совершении инкриминируемого ему преступления. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем Постановлении однозначно определил, что «проверяя обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению, суд не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности лица» [22].

Исходя из принципа соразмерности, представляется обоснованным ограничивать применение заключения под стражу случаями, связанными с посягательством на жизнь, здоровье или свободу личности. Преступления в экономической сфере, как правило, не представляют непосредственной угрозы общественной безопасности, а потому не требуют применения наиболее жестких мер пресечения. Принцип гуманизма, закреплённый в уголовном законодательстве, требует соблюдения баланса между интересами правосудия и правами личности, в том числе той, которая подозревается в совершении преступления.

Однако в научной среде данная норма подвергается критике. Например, доктор юридических наук М.О. Баев полагает, что «положения ч. ч. 1 и 1.1

ст. 108 УПК РФ ведут к нарушению базового конституционного принципа о равенстве всех граждан перед законом и судом. Получается, что создана привилегия от уголовного преследования для лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью. У должностного лица отсутствует возможность предотвратить их преступную деятельность, если таковая ведется под прикрытием предпринимательства. Существует лишь маленькая вероятность, что данная реформа поможет улучшить нынешнюю ситуацию с правовым нигилизмом» [3, с. 7]. Существуют опасения, что либерализация мер пресечения в экономической сфере, несмотря на заявленные цели защиты бизнеса, может быть использована недобросовестными субъектами. В результате создаются предпосылки для обхода уголовной ответственности, что требует от законодателя более точного баланса между защитой прав предпринимателей и эффективностью уголовного преследования.

Несмотря на существующие правовые риски, тенденция к либерализации уголовно-процессуального законодательства сохраняет поступательное развитие. По данным, озвученным Председателем Верховного Суда РФ Вячеславом Лебедевым в ходе пленарного заседания Совета судей Российской Федерации, в течение девяти месяцев 2023 г. меры пресечения, не сопряжённые с лишением свободы, были избраны в отношении 61,9 тыс. задержанных. Это на 6 % меньше, чем за аналогичный период 2022 г., что свидетельствует о снижении доли удовлетворённых ходатайств о заключении под стражу. Дополнительно подчёркивается, что количество случаев применения меры пресечения в виде домашнего ареста увеличилось на 14 %, что отражает устойчивую тенденцию к гуманизации уголовно-процессуальной политики. По его мнению, это «шаги к гуманизации правоприменительной практике и уголовного законодательства, ведь гуманизм – основной принцип УК РФ, главная цель которого обеспечить безопасность человека, не причинять ему физических и нравственных страданий» [33].

Положения ст. 99 УПК РФ представляют собой развитие гуманистической направленности уголовно-процессуального законодательства, акцентируя внимание на необходимости учёта индивидуальных характеристик личности при избрании меры пресечения. Согласно норме, судебный орган обязан учитывать состояние здоровья обвиняемого, а при отсутствии сведений о наличии тяжёлых заболеваний – самостоятельно удостовериться в их отсутствии, даже если соответствующие данные не представлены в материалах дела. Установление перечня заболеваний, препятствующих содержанию под стражей, а также формы медицинского заключения и порядок проведения медицинского освидетельствования возложены на Правительство РФ [28].

Кроме медицинских показателей, в ст. 99 УПК РФ содержится указание на необходимость учёта других индивидуальных особенностей обвиняемого, в том числе сведений, характеризующих его личность. Перечень таких обстоятельств является открытым, что позволяет учитывать широкий спектр факторов. Однако в научной литературе высказываются критические замечания в отношении подобных положений. Ряд авторов считает, что включение субъективных аспектов, таких как семейное положение, не должно оказывать решающего влияния на вопрос о заключении под стражу. Эти обстоятельства, как полагается, имеют нейтральный характер и не могут служить ни в качестве доказательства склонности лица к уклонению от следствия, ни в качестве гарантии его добросовестного поведения. К числу факторов, не обладающих однозначной оценочной значимостью, относятся также наличие двойного гражданства, активов или источников дохода за пределами РФ, а также трудовая занятость или иные социальные связи. В научной доктрине подчёркивается, что характеристика личности должна восприниматься исключительно как дополнительный элемент анализа и не подменять собой специальные основания, предусмотренные для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу.

Следует отметить, что положения ст. 99 УПК РФ не содержат прямых указаний, ориентированных исключительно на ужесточение либо, напротив, на смягчение условий применения мер пресечения. Закон допускает учёт так называемых «иных обстоятельств», которые могут быть приняты во внимание судом при выборе конкретной меры. Однако данные положения не могут рассматриваться как альтернатива или подмена общих оснований, поскольку это противоречило бы международным обязательствам Российской Федерации в сфере защиты прав человека, в том числе положениям Европейской конвенции по правам человека.

В научной литературе норма подвергается обоснованной критике. С одной стороны, наделение должностных лиц широкими дискреционными полномочиями создаёт предпосылки для возможного произвольного толкования и злоупотребления. С другой стороны, такие полномочия обеспечивают необходимую процессуальную самостоятельность, позволяя учитывать конкретные обстоятельства дела. В этом контексте особого внимания заслуживает ст. 108 УПК РФ, которая содержит перечень специальных оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу и возлагает на суд обязанность мотивировать соответствующее решение. Несмотря на это, практика показывает, что норма о «исключительности» применения заключения под стражу зачастую остаётся формальной и игнорируется при принятии процессуальных решений. Такая ситуация свидетельствует не о дефектах нормативного регулирования, а о проблемах в сфере реализации правовых предписаний на практике.

Суд должен стремиться к тому, чтобы его решение было не только законным, но и справедливым, обеспечивая баланс между необходимостью защиты общества и защитой основных прав и свобод личности. Заключение под стражу должно рассматриваться как крайняя мера, применяемая только в случае крайней необходимости и оправданная обстоятельствами конкретного дела.

Все эти факторы создают сложную систему, на основе которой принимается решение о заключении под стражу. Прозрачность процесса, чёткое соблюдение законных процедур и регулярный пересмотр данной меры пресечения способствуют поддержанию доверия к правосудию и предотвращению злоупотреблений.

2.2 Отмена, изменение и продление меры пресечения в виде заключения под стражу

Важной гарантией прав человека, подвергнутого уголовному преследованию, являются законно установленные сроки его содержания под стражей. Сроки должны отвечать таким критериям, как достаточность для успешного проведения предварительного расследования и рассмотрения дела в суде, а также недопущение излишне длительного содержания обвиняемого под стражей.

Отмена, изменение и продление меры пресечения в виде заключения под стражу - это динамичные аспекты уголовно-процессуального управления, отражающие изменения в обстоятельствах дела и правовом статусе обвиняемого. Эти процессуальные механизмы служат для обеспечения справедливости, эффективности следствия и защиты прав участников уголовного процесса.

Ч. 1 ст. 110 УПК РФ гласит: «Мера пресечения отменяется, когда в ней отпадает необходимость или изменяется на более строгую или более мягкую, когда изменяются основания для избрания меры пресечения» [39].

Процессуальный институт срока содержания под стражей выполняет ряд принципиально значимых функций в системе уголовного судопроизводства. Его ключевое назначение заключается в обеспечении минимального времени пребывания подозреваемого или обвиняемого в условиях изоляции на стадии предварительного расследования. Одновременно данный институт призван гарантировать эффективность

уголовного преследования, способствуя скорейшему достижению целей уголовного судопроизводства и обеспечению законности. Функциональная нагрузка сроков содержания под стражей проявляется также в дисциплинирующем воздействии на органы предварительного следствия и суд, поскольку чрезмерное затягивание процедуры расследования и судебного разбирательства нередко связано с недостаточной организованностью и процессуальной пассивностью должностных лиц (дознавателей, следователей, прокуроров, а также судей и их руководства).

Правовое регулирование сроков содержания под стражей в досудебном производстве осуществляется на основе положений ст. 109 и ст. 224 УПК РФ. В совокупности с нормами главы 17 того же Кодекса, в которых закреплены общие правила исчисления и продления процессуальных сроков, данные статьи формируют нормативный каркас контроля за временными рамками принудительной изоляции лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

Строгое соблюдение порядка исчисления и продления сроков содержания под стражей является обязательным условием соблюдения принципов законности и процессуальной справедливости, а также ключевым элементом механизма защиты прав и свобод подозреваемого или обвиняемого в уголовном процессе.

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации чётко регламентирует предельные сроки содержания под стражей в зависимости от процессуального статуса лица и характера инкриминируемого деяния.

Согласно ч. 1 ст. 100 УПК РФ, максимальный срок содержания под стражей подозреваемого составляет до 10 суток. В случае, если лицо подозревается в совершении преступлений, указанных в перечне статей 205, 205.1, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 209, 210, 210.1, 277, 278, 279, 281, 360 и 361 УК РФ, данный срок может быть продлён до 45 суток (ч. 2 ст. 100 УПК РФ).

«На стадии предъявления обвинения срок содержания под стражей в общем порядке устанавливается до 2 месяцев (ч. 1 ст. 109 УПК РФ). Однако

уголовно-процессуальный закон допускает возможность его продления: до 6 месяцев в случае, если окончание предварительного следствия в пределах двухмесячного срока невозможно, при отсутствии оснований для отмены или изменения меры пресечения (ч. 2 ст. 109 УПК РФ); до 12 месяцев при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений, либо в случае особой сложности уголовного дела, при наличии достаточных оснований для продолжения изоляции (ч. 3 ст. 109 УПК РФ); до 18 месяцев исключительно по делам о совершении особо тяжких преступлений и лишь в исключительных случаях (ч. 3 ст. 109 УПК РФ)» [30, с. 90].

Компетенция по отмене или изменению меры пресечения принадлежит процессуальному лицу, ранее её избравшему. Постановление об отмене или изменении меры пресечения должно содержать чёткое указание на правовые основания, предусмотренные уголовно-процессуальным законом. Копия соответствующего акта в обязательном порядке вручается обвиняемому, что обеспечивает соблюдение принципа процессуальной справедливости и реализует его право на защиту.

При рассмотрении вопроса об изменении ранее избранной меры пресечения суд в первую очередь оценивает наличие новых обстоятельств, возникших после принятия первоначального решения. Ключевое значение при этом приобретает анализ динамики обстоятельств уголовного дела, а также характеристик поведения обвиняемого. Такая оценка требует от суда повышенной внимательности и процессуальной добросовестности, поскольку именно изменившиеся условия зачастую становятся определяющим фактором при принятии решения. Основанием для смягчения меры пресечения может выступать отсутствие у обвиняемого признаков противоправного поведения в период нахождения под стражей. Кроме того, наличие медицинских показаний, указывающих на невозможность дальнейшего пребывания лица в условиях изоляции, также может служить основанием для изменения меры пресечения на более мягкую. В случае угрозы жизни и здоровью обвиняемого вследствие его нахождения в следственном изоляторе, суд вправе освободить

его из-под стражи, обеспечив соблюдение принципа гуманизма и защиты человеческой личности.

Для обоснования ухудшения состояния здоровья требуется проведение медицинского освидетельствования, результаты которого фиксируются в форме официального медицинского заключения. После получения копии указанного заключения следователь или дознаватель обязан в течение трёх суток принять мотивированное решение об изменении ранее избранной меры пресечения, что прямо вытекает из требований уголовно-процессуального закона.

Обвиняемый имеет право инициировать вопрос о направлении его на медицинское освидетельствование согласно Постановлению Правительства РФ от 14 января 2011 г. № 3 [28]. Отказ обжалуется в рамках ст. 125 УПК РФ.

В.В. Королев справедливо отмечает: «не нарушается ли право на судебную защиту обвиняемых и подозреваемых, которые находятся под стражей, отсутствие возможности у защитника обращения с ходатайством об изменении меры пресечения на менее строгую в промежутках между рассмотрением в судебном заседании ходатайства следователя о продлении срока заключения?» [15, с. 5].

При рассмотрении вопроса о продлении срока содержания под стражей судебная практика демонстрирует стремление ограничивать его рамками двухмесячного периода. Это обусловлено не только требованиями процессуальной целесообразности, но и заинтересованностью судебной власти в оперативном и качественном завершении досудебного производства, исключая проявление волокиты. Регулярные судебные заседания, проводимые в целях продления меры пресечения, предполагают контроль не только за соблюдением формальных условий пребывания обвиняемого под стражей, но и за эффективностью следственной деятельности. Судья оценивает количество и содержание процессуальных действий, осуществлённых с момента предыдущего продления. Таким образом, осуществляется реальный судебный надзор за ходом предварительного

расследования, включая проверку полноты и своевременности проведения ключевых экспертиз, допросов основных свидетелей, а также сбора материалов, характеризующих личность обвиняемого.

Ходатайство следователя о продлении срока изоляции должно содержать исчерпывающий перечень процессуальных мероприятий, уже проведённых и планируемых, а также аргументацию в пользу необходимости продления. Среди оснований, как правило, указываются высокая сложность расследуемого дела, наличие большого объёма доказательств, необходимость проведения множественных экспертиз, а также участие в деле нескольких обвиняемых или потерпевших. Не исключается также возможность подачи ходатайства об изменении меры пресечения со стороны защитника. Однако с учётом того, что инициатива первоначального избрания меры заключения под стражу исходит от следствия, вероятность удовлетворения такого ходатайства самим следователем остаётся крайне низкой.

«Введение обязательства суда рассматривать каждое поступающее ходатайство в период между судебными заседаниями может повлечь за собой увеличение процессуальной нагрузки на судебский корпус и способствовать злоупотреблению правом со стороны защиты. Однако полное игнорирование подобных обращений противоречит базовым принципам уголовного судопроизводства, в том числе принципу равноправия сторон и гарантии судебной защиты, и способно привести к существенному ограничению прав обвиняемого» [11, с. 74].

Позиция стороны защиты, равно как и аргументация, представленная стороной обвинения, подлежит обязательному судебному рассмотрению. Все ходатайства, при наличии достаточного уровня их обоснованности и соответствия требованиям закона, должны быть надлежащим образом изучены и учтены при принятии решения. Пренебрежение этими процессуальными действиями, включая игнорирование показаний свидетелей, способных повлиять на изменение или смягчение меры пресечения, представляет собой нарушение принципа всесторонности и объективности

судебного разбирательства. На практике нередко наблюдается формальный подход к рассмотрению ходатайств как со стороны следствия, так и со стороны защиты. Такая тенденция выражается в поверхностной оценке представленных материалов и отсутствии мотивированной реакции на доводы сторон, что противоречит процессуальной обязанности суда исследовать все существенные обстоятельства дела. Подобная правоприменительная практика недопустима и подрывает доверие к судебной системе как институту, обеспечивающему соблюдение прав личности в рамках уголовного преследования.

Одним из основополагающих принципов уголовного судопроизводства является принцип состязательности сторон, реализуемый через равенство процессуальных возможностей участников уголовного процесса. Благодаря этому принципу каждая сторона вправе заявлять свою позицию, представлять доказательства, вызывать свидетелей и обосновывать свои доводы. Указанный принцип должен в полной мере применяться и при рассмотрении ходатайств о продлении срока содержания под стражей. Если при каждом последующем обращении следователь воспроизводит текст предыдущих ходатайств, ссылаясь на необходимость проведения тех же следственных действий, суд обязан установить причины невыполнения заявленных мероприятий. Как правило, в тексте ходатайства следователь указывает перечень процессуальных действий, проведенных с момента предыдущего продления срока [16, с. 18].

Судебный орган обязан критически оценивать аргументацию стороны обвинения при каждом обращении о продлении срока содержания под стражей. Это предполагает сопоставление представленных доводов с уже выполненными процессуальными действиями, а также с возможной утратой актуальности ранее заявленных оснований. Изменившиеся обстоятельства дела или выполненные мероприятия могут свидетельствовать о возможности изменения меры пресечения на более мягкую, и суд вправе инициировать такое изменение даже при отсутствии соответствующего ходатайства со

стороны защиты. Особое внимание должно уделяться случаям, когда вопрос касается несовершеннолетних обвиняемых. В таких ситуациях суд обязан обосновать невозможность обеспечения надлежащего присмотра со стороны законных представителей, если всё же принимается решение о заключении под стражу.

При каждом новом обращении о продлении меры пресечения суд обязан проводить переоценку условий содержания под стражей, так как процессуальные обстоятельства, имеющие значение для законности и обоснованности изоляции лица, могли претерпеть изменения. Ссылка на ранее вынесенное постановление о заключении под стражу в качестве единственного обоснования невозможна и юридически некорректна.

Случаи отказа судов в продлении срока нахождения под стражей обвиняемых в силу изменения обстоятельств уголовного дела приведены в «Обзоре практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.01.2017) [18].

Судебная практика демонстрирует примеры обоснованного изменения меры пресечения при установлении новых обстоятельств, свидетельствующих об утрате необходимости содержания лица под стражей. Так, «Свердловский областной суд при рассмотрении ходатайства следователя о продлении срока содержания под стражей П., обвиняемого в совершении кражи в особо крупном размере, принял решение об изменении меры пресечения на домашний арест. Основанием для такого решения послужила констатация изменения процессуальных обстоятельств: на момент рассмотрения ходатайства основная часть доказательств уже была собрана, необходимые экспертизы назначены, а соответствующие запросы направлены. Учитывая это, риск возможного вмешательства обвиняемого в ход расследования существенно снизился. Дополнительно суд принял во внимание данные, характеризующие личность обвиняемого: отсутствие судимостей, наличие семьи и постоянной регистрации по месту жительства» [19].

Аналогичный подход был применён Петрозаводским городским судом Республики Карелия 19 июня 2015 г. при рассмотрении «ходатайства о продлении меры пресечения в отношении Я., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ. Суд отказал в удовлетворении ходатайства о продлении содержания под стражей до 12 месяцев, мотивировав своё решение изменением обстоятельств дела. Обвиняемая активно сотрудничала с органами предварительного расследования, способствовала раскрытию преступления и предоставила сведения о соучастниках, которые впоследствии были задержаны. Учитывая эти данные, суд изменил меру пресечения на залог, признав дальнейшее нахождение под стражей нецелесообразным» [27].

Процессуальный статус субъекта уголовного преследования напрямую влияет на предельную продолжительность его содержания под стражей. В случае, если лицо обладает статусом подозреваемого, максимальный срок его изоляции составляет 10 суток. После предъявления обвинения и изменения процессуального статуса срок содержания под стражей может варьироваться от двух до восемнадцати месяцев в зависимости от тяжести совершённого преступления и сложности уголовного дела. При этом действующее законодательство допускает возможность продления содержания под стражей свыше восемнадцати месяцев, но исключительно в порядке, установленном законом и при наличии исключительных обстоятельств. Тем не менее в правоприменительной практике сохраняется проблема чрезмерно длительного содержания обвиняемых в следственных изоляторах, что противоречит принципу разумности сроков предварительного расследования. Такая практика способствует переполненности мест предварительного заключения, а также порождает нарушения прав обвиняемых.

Критика излишне жёсткого подхода к срокам изоляции нашла отражение ещё в трудах А.Г. Халиулина, который подчёркивал, что предварительное заключение должно быть ограничено по продолжительности и не должно сопровождаться условиями, унижающими человеческое

достоинство. Он настаивал на том, что срок содержания под стражей должен определяться исключительно необходимостью для эффективного расследования уголовного дела. При этом важное значение придавалось принципу очередности: лицо, задержанное раньше, должно иметь право на приоритетное рассмотрение его дела. Цель предварительного заключения, согласно гуманистическим правовым подходам, заключается не в причинении страданий обвиняемому, а в обеспечении выполнения задач уголовного судопроизводства – недопущении сокрытия от следствия и суда, предотвращении давления на свидетелей, уничтожения доказательств и иного вмешательства в ход уголовного дела [46, с. 61].

Срок содержания под стражей во время расследования уголовного дела может быть установлен и продлен исключительно в пределах срока следствия. Следователь обязательно прикладывает к материалам, передаваемым в суд, копию постановления о возбуждении уголовного дела и копию постановления о возбуждении перед руководителем следственного органа ходатайства о продлении срока предварительного следствия. Без этих документов суд может не принять ходатайство к рассмотрению.

Дальнейшее продление срока содержания под стражей в процессе досудебного производства по делу не разрешается. Обвиняемый должен быть немедленно освобожден. При этом УПК РФ предусматривает два исключения из этого правила:

- до момента окончания ознакомления с материалами уголовного дела в случае, если они были вручены обвиняемому и его защитнику не позднее, чем за 30 суток до истечения предельного срока содержания под стражей, но 30 суток для ознакомления с данными материалами им оказалось мало (ч. 7 ст. 109 УПК РФ);
- на срок до 6 месяцев, в случае истечения предельного срока содержания под стражей, когда лицо находилось под стражей на территории иностранного государства по запросу об оказании правовой помощи или о выдаче его Российской Федерации, и

необходимости производства предварительного расследования (ч. 11 ст. 109 УПК РФ).

Часть 5 ст. 109 УПК РФ устанавливает, что материалы оконченого расследованием уголовного дела должны быть вручены обвиняемому и его защитнику не позднее, чем за 30 суток до истечения предельного срока содержания под стражей, установленного ч. 2 и 3 данной статьи.

Если после окончания предварительного следствия данные материалы были предоставлены обвиняемому и его защитнику позднее, чем за 30 суток до окончания предельного срока содержания под стражей, то по его истечении обвиняемый должен быть немедленно освобожден. При этом обвиняемый и его защитник вправе продолжить ознакомление с материалами уголовного дела (ч. 6 ст. 109 УПК РФ).

Принципиально важным положением, вытекающим из конституционного права на свободу, является то, что обвиняемый не несёт обязанности доказывать отсутствие оснований для его содержания под стражей. Согласно Конституции Российской Федерации, свобода личности является неотчуждаемым правом, а потому любое ограничение данной свободы должно быть обосновано и документально подтверждено стороной обвинения. Бремя доказывания законности содержания лица под стражей, равно как и необходимости продления сроков изоляции, полностью лежит на органах предварительного расследования и прокуратуре.

Инициатива пересмотра ранее избранной меры пресечения в виде заключения под стражу, в том числе нахождения лица в следственном изоляторе или изоляторе временного содержания, представляет собой важную гарантию прав подозреваемого или обвиняемого. Первоначальным адресатом соответствующего ходатайства, как правило, выступает следователь, в производстве которого находится уголовное дело.

При поступлении подобного ходатайства суд обязан обеспечить его всестороннее и объективное рассмотрение. Судья не вправе ограничиваться формальным подходом, игнорируя доводы сторон или отклоняя их без

надлежащей правовой оценки. Как сторона обвинения, так и защита должны быть выслушаны в равной мере, а представленные ими аргументы тщательно проанализированы с позиции допустимости, достоверности и юридической значимости.

Итак, отмена, изменение или продление меры пресечения в виде заключения под стражу - это важные аспекты уголовно-процессуального права, которые напрямую влияют на права обвиняемого и порядок судебного разбирательства. Процесс принятия решений по этим вопросам основывается на тщательном анализе доказательств, представленных как обвинением, так и защитой, а также на оценке изменений в обстоятельствах дела.

Во всех случаях решение суда должно основываться на принципах законности, справедливости и разумности. Суд обязан учитывать не только доказательства и аргументы сторон, но и общие принципы права, такие как презумпция невиновности и право на справедливое судебное разбирательство.

Глава 3 Проблемные аспекты применения меры пресечения в виде заключения под стражу

3.1 Заключение под стражу и реализация основополагающих принципов российского уголовного процесса

Фундаментальные принципы уголовного судопроизводства базируются на Конституции РФ [14], чьи нормы обладают универсальным характером для всех отраслей права. Правовые гарантии, закреплённые в Основном Законе, значимы как для отдельного гражданина, так и для государства в целом. «Под принципами понимаются руководящие положения, определяющие порядок предварительного расследования и судебного разбирательства; они охватывают права обвиняемого и подозреваемого - законность, состязательность, презумпцию невиновности, неприкосновенность личности. Правовые принципы, являясь фундаментальными идеями регулирования, задают общий курс правовой системы.

Однако, несмотря на императивный статус перечисленных норм, на практике возникают серьёзные трудности с их реализацией. В последние годы сложилась негативная тенденция их игнорирования, вызванная либо недооценкой значения гарантий, либо нежеланием совершенствовать законодательство; результатом становится подрыв системности регулирования, рост беззакония, коррупции и других общественных пороков» [21, с. 311].

Первый принцип – принцип законности. «Ключевым стержнем всей системы выступает принцип законности, обязывающий должностных лиц неуклонно соблюдать нормы действующего законодательства и уважать права личности: к этим лицам относятся прокурор, суд, следователь, дознаватель, начальник подразделения дознания и руководитель следственного органа» [9, с. 44]. Таким образом, прочное следование конституционным принципам и

строгая процессуальная дисциплина образуют единственную легитимную основу для применения меры заключения под стражу.

Право на получение квалифицированной юридической помощи и право на защиту относятся к числу базовых конституционных гарантий, закреплённых в ст. 48 Конституции Российской Федерации. Эти положения обязывают должностное лицо, осуществляющее уголовное преследование, обеспечить участие защитника с момента задержания либо предъявления обвинения, причём такое участие должно быть организовано безвозмездно для обвиняемого при наличии соответствующих оснований. В рамках реализации указанных гарантий особое значение приобретает принцип состязательности сторон, поскольку именно он обеспечивает баланс интересов участников уголовного судопроизводства. Состязательная модель даёт защитнику возможность эффективно использовать процессуальные механизмы, представлять доказательства, заявлять ходатайства, оспаривать действия следствия и тем самым оказывать влияние на судебное решение. Это, в свою очередь, способствует формированию у суда объективной и всесторонней картины по делу. Активное и добросовестное участие защитника в уголовном процессе является важным элементом превенции необоснованного уголовного преследования, в том числе незаконного заключения под стражу. Тем самым обеспечивается реализация фундаментального права обвиняемого на защиту, что является неотъемлемой частью принципов справедливого правосудия и правового государства.

Наряду с деятельностью адвоката важную роль играет процессуальный контроль: помимо прокурора за работой следователя наблюдает и непосредственный руководитель. «В соответствии со ст. 39 УПК РФ руководитель следственного органа даёт согласие следователю на обращение в суд с ходатайством об избрании, изменении либо отмене меры пресечения и иных действий, требующих судебного решения,- что делает его, как и прокурора, частью механизма охраны прав обвиняемого» [15, с. 7].

Второй принцип – презумпция невиновности. Применение заключения под стражу возможно лишь при наличии веских, документально подтверждённых оснований. Необходимы доказательства того, что альтернативные меры не обеспечат явку обвиняемого в суд и не предотвратят давление на свидетелей либо вмешательство в ход следствия. Каждое такое решение подлежит регулярному судебному пересмотру, призванному проверять его актуальность в изменяющихся обстоятельствах. Заключение под стражу служит строгим, но справедливым средством достижения целей процесса, при этом права обвиняемых должны оставаться неприкосновенными; реализация указанного баланса требует не только точного соблюдения закона, но и понимания его духа, предполагающего уважение человеческого достоинства и свободы.

При этом заключение под стражу не может превращаться в наказание до вынесения приговора - аксиома, напрямую связанная с презумпцией невиновности, согласно которой каждый считается невиновным, пока его вина не доказана в установленном порядке.

Презумпция невиновности одновременно является базовой юридической ценностью, предотвращающей необоснованное обвинение и общественную стигматизацию, и критерием оценки достаточности доказательств. Несмотря на очевидность принципа, практика нередко сталкивается с трудностями его воплощения, что подчёркивает необходимость строгого соблюдения процессуальных правил.

В этой связи заслуживает внимания позиция О.В. Качалова, согласно которой соблюдение правила толкования сомнений в пользу обвиняемого представляет собой одну из наивысших гарантий защиты его интересов, а одновременно - стимул к эффективному раскрытию преступлений и изобличению действительных виновных лиц [10, с. 2].

Презумпция невиновности закреплена в статье 4 Федерального закона от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». Помимо неё, в той же норме

утверждены фундаментальные ценности - справедливость, законность, гуманизм и уважение человеческого достоинства [42].

«Указанный принцип обязан гарантировать лицу, помещённому под стражу, надлежащее обращение, поскольку его невиновность презюмируется; ему должны предоставляться условия содержания, не унижающие достоинство. На практике, однако, такие стандарты соблюдаются не всегда, хотя презумпция невиновности остаётся объективной правовой реальностью, а не мнением должностного лица, ведущего расследование» [38, с. 95].

18 октября 2023 года Тверской областной суд оставил в силе решение первой инстанции «о продлении обвиняемому Н. ареста ещё на четыре месяца, несмотря на апелляционную просьбу смягчить меру пресечения до подписки о невыезде, основанную на признательных показаниях, сотрудничестве со следствием, инвалидности и иной положительной характеристике. Сторона защиты представила медицинское заключение, но этот документ был проигнорирован судом первой инстанции» [2].

Апелляционная инстанция отметила, что «содержание под стражей, существенно ограничивающее свободу, допустимо лишь при явном требовании общественного интереса, который, несмотря на презумпцию невиновности, перевешивает принцип уважения личной свободы; публичные интересы, по мнению суда, оказались важнее личных прав обвиняемого Н» [2].

Тем не менее обвиняемый не должен лишаться прав, гарантированных нормативно-правовыми актами: его нельзя отчислить из учебного заведения или уволить с работы из-за нахождения под стражей. Политические права также сохраняются - он вправе участвовать в выборах и референдумах, обращаться в органы власти с жалобами и заявлениями. Одновременно значительный объём ограничений устанавливают сам Федеральный закон № 103-ФЗ, правила внутреннего распорядка следственных изоляторов и иные акты [42].

«Значение ст. 4 упомянутого закона определяется не только закреплением презумпции невиновности, но и провозглашением принципа

неприкосновенности личности. Содержание под стражей ни при каких обстоятельствах не должно сопровождаться жестоким обращением, унижающим достоинство, пытками или иными действиями, причиняющими обвиняемым физические либо нравственные страдания» [9, с. 45]. Однако из-за неразвитого правосознания администрации следственных изоляторов, рассматривающей обвиняемых как уже признанных преступников, такая практика складывается и, соответственно, наносит лишь вред, к беззаконию и произволу приводит неверное понимание статуса лица под стражей и игнорирование фундаментальных правовых принципов.

Следующий принцип - принцип состязательности в уголовном процессе подразумевает четкое разделение функций суда, обвинения и защиты, что обеспечивает равные права сторон в процессе доказывания. Это влияет на заключение под стражу, так как защита имеет возможность оспаривать законность и обоснованность таких мер, что способствует более справедливому судебному разбирательству.

Так, О.В. Качалова указывал на отсутствие принципа справедливости в системе процессуальных принципов, считая этот пробел серьезным, поскольку нравственные критерии необходимы для оценки конкретных решений и действий; при этом он показывает, что справедливость и законность не тождественны, ибо преследуют различные цели [9, с. 43].

Конституционный Суд РФ в своих решениях постоянно подчёркивает требования справедливости и соразмерности при применении уголовно-процессуальных мер. Яркий пример - Постановление от 22 марта 2018 г. № 12-П по жалобе С.А. Костромина, в котором оценивалась конституционность частей 1 и 3 статьи 107 УПК РФ [25]. Согласно этому акту, «ограничение свободы допускается лишь под эффективным судебным контролем и при наличии гарантий соразмерности и справедливости; кроме того, суд указал, что до вступления обвинительного приговора в законную силу обвиняемому не могут навязываться ограничения, сопоставимые с наказанием либо превышающие его» [25].

Лишь там, где существует альтернатива, по убеждению Е.Г. Переславцевой, возможна подлинная справедливость. Поэтому должностному лицу предоставляется определённая свобода усмотрения: оно вправе выбирать наиболее корректное решение из нескольких законных вариантов [21, с. 311]. Все процессуальные решения, таким образом, должны опираться на нравственность и справедливость, стремясь к балансу интересов обвиняемого и потерпевшего.

Пункт 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 подтверждает указанное: «обстоятельства, оцениваемые при заключении под стражу, тождественны тем, что принимаются во внимание при назначении наказания, что свидетельствует о родстве этих институтов» [22]. «Если же предусмотренная санкция не включает лишения свободы, применение заключения под стражу неправомерно, поскольку мера пресечения должна оставаться соизмеримой с возможным наказанием по УК РФ. Исключением признаётся лишь ситуация, когда обвиняемый не имеет постоянной или временной регистрации - в таком случае суд вправе избрать заключение под стражу» [22].

Следующий принцип - принцип неприкосновенности личности в уголовном процессе гарантирует, что никто не может быть задержан или заключен под стражу без законных оснований. Это обеспечивает защиту прав подозреваемых и обвиняемых, ограничивая произвольные действия со стороны правоохранительных органов.

Основные аспекты принципа неприкосновенности личности в рамках заключения под стражу:

- «законные основания для задержания: заключение под стражу возможно только при наличии четких и законных оснований, таких как подозрение в совершении преступления. Это означает, что правоохранительные органы должны иметь достаточные доказательства, чтобы обосновать необходимость лишения свободы» [12, с. 105];

- процедурные гарантии: принцип неприкосновенности личности требует соблюдения определенных процедурных норм при задержании и заключении под стражу. Это включает в себя право задержанного на получение информации о причинах задержания, право на защиту, а также право на обращение в суд для оспаривания законности задержания;
- «судебный контроль: заключение под стражу должно быть санкционировано судом. Это обеспечивает дополнительный уровень защиты прав личности, так как судья оценивает обоснованность и законность задержания, а также необходимость применения меры пресечения в виде заключения под стражу» [12, с. 105];
- право на защиту: лицо, заключенное под стражу, имеет право на защиту, что включает возможность нанять адвоката, который будет представлять его интересы в суде. Это право является важным элементом обеспечения справедливого судебного разбирательства;
- запрет на произвольное задержание: Принцип неприкосновенности личности защищает граждан от произвольного и незаконного задержания. Это означает, что задержание не должно быть основано на дискриминационных или произвольных причинах, таких как раса, пол, национальность или политические взгляды;
- условия содержания под стражей: принцип неприкосновенности личности также подразумевает, что условия содержания под стражей должны соответствовать стандартам прав человека. Это включает в себя право на достойное обращение, доступ к медицинской помощи и возможность общения с внешним миром.

«Тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и электронных сообщений - также относится к принципу неприкосновенности личности, и непосредственно охраняет права лиц, содержащихся под стражей» [21]. Согласно ст. 20 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении

преступлений» от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ, их переписка допускается лишь через администрацию изолятора и неизбежно подвергается цензуре.

Конституционный суд РФ в постановлении от 29 ноября 2010 г. № 20-П подтвердил конституционность названной статьи, отметив, что цензура переписки обвиняемого с защитником правомерна только при наличии разумных оснований: подозрения о недозволённых вложениях, злоупотреблении адвокатской тайной либо угрозе безопасности изолятора; в таких случаях администрация обязана вынести мотивированное решение и письменно зафиксировать свои действия [26].

При анализе действующего законодательства обращает на себя внимание недостаточная нормативная определённость условий и оснований ограничения тайны переписки лиц, содержащихся под стражей. В соответствии со ст. 20 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», не подлежат направлению адресату письма, содержание которых может способствовать совершению преступления, воспрепятствовать установлению истины по уголовному делу, а также письма, содержащие государственную тайну или зашифрованные сообщения. Такие материалы передаются в распоряжение лица, осуществляющего расследование уголовного дела. Однако законодательное регулирование данного вопроса характеризуется отсутствием достаточной степени конкретизации, что создаёт риск произвольного толкования и ограничения права на тайну переписки. Сложившаяся правовая неопределённость порождает опасность чрезмерного вмешательства в частную жизнь обвиняемых и подозреваемых, особенно в условиях действия института тайны следствия.

Возникает обоснованный вопрос: обладают ли сотрудники следственного изолятора необходимой компетенцией для того, чтобы объективно оценивать содержание корреспонденции и устанавливать её потенциальную связь с возможным влиянием на ход предварительного расследования? Учитывая, что в большинстве случаев подобные сведения

могут быть интерпретированы лишь в контексте всей доказательственной базы, передача таких функций администрации СИЗО вызывает сомнения с точки зрения обеспечения принципов процессуальной справедливости и охраны фундаментальных прав личности. «Обвиняемые должны иметь возможность свободно общаться письменно с друзьями, коллегами и родственниками, и далеко не каждое письмо затрагивает уголовное дело, зачастую это сугубо личные сообщения. Обвиняемые, находящиеся под стражей, существенно уступают в правах тем, кого ограничили подпиской о невыезде и надлежащем поведении: их корреспонденция цензурируется, а телефонные контакты ограничены» [12, с. 75]. Невозможно по очевидным причинам достичь полного равенства между лицами на свободе и заключёнными, что, собственно, отражает сущность меры пресечения; тем не менее исследователи настаивают, чтобы законодатель стремился максимально сблизить их правовой статус. Корреспонденция, адресованная адвокату, согласно ст. 21 ФЗ № 103-ФЗ также подлежит цензуре, и, следовательно, жалоба на действия сотрудников изолятора поступает к тем же сотрудникам; недоверие к защитнику создаёт такая норма и тем самым обесценивает адвокатскую тайну.

Согласно положениям п. 6 ст. 17 Федерального закона №103-ФЗ, право на телефонные переговоры в местах предварительного заключения реализуется исключительно с использованием стационарных средств связи и только при наличии предварительного разрешения, предоставленного следователем или дознавателем. Персональное использование мобильных телефонов, ноутбуков и иных электронных устройств в следственных изоляторах и изоляторах временного содержания категорически запрещено; указанные предметы подлежат обязательному изъятию при попытке их проноса.

Предоставление разрешения на осуществление телефонных звонков находится в компетенции уполномоченных должностных лиц, которые вправе отказать в его выдаче. При этом обвиняемый сохраняет право на обжалование

соответствующего отказа в установленном порядке. Особое внимание вызывает практика контроля над телефонными беседами между обвиняемым и его защитником. Подобный надзор лишает коммуникацию конфиденциальности, что вступает в противоречие с основополагающими принципами адвокатской деятельности и правовой защиты.

Реализация права на телефонные переговоры в условиях изоляции обусловлена двумя ключевыми факторами. Во-первых, для его осуществления необходима наличие соответствующих технических условий, которые могут отсутствовать в отдалённых или малонаселённых регионах. Во-вторых, оплата переговоров осуществляется за счёт средств самого задержанного. Вместе с тем администрация учреждения вправе предоставить доступ к телефонной связи с возможностью последующего возмещения затрат.

Попытки реформирования правового регулирования цензурного контроля в изоляционных учреждениях предпринимались и на законодательном уровне. Так, в 2021 году в Государственную Думу был внесён законопроект, предусматривающий поправки в положения 103-ФЗ, направленные на введение судебного механизма контроля за применением цензуры в отношении корреспонденции лиц, находящихся под стражей. Согласно пояснительной записке, необходимость осуществления цензуры должна быть обусловлена объективными факторами. Однако правовая неопределённость сохранялась: не были чётко обозначены ни критерии, определяющие наличие такой необходимости, ни субъекты, уполномоченные её устанавливать.

Авторы инициативы предложили дополнить ч. 2 ст. 20 103-ФЗ нормой, согласно которой контроль за содержанием корреспонденции осуществляется исключительно при наличии судебного акта, вынесенного по ходатайству следователя или дознавателя, и реализуется либо администрацией следственного изолятора, либо лицом, осуществляющим предварительное расследование. Подобная корректировка, по мнению разработчиков проекта, позволила бы сформировать более точные основания для применения

цензуры, снизить уровень правовой неопределённости и обеспечить соблюдение принципа соразмерности вмешательства в переписку задержанных.

Тем не менее предложенные изменения подверглись критике с точки зрения их реалистичности и эффективности. Практическая реализация подобной нормы предполагает введение дополнительных процедур, что влечёт за собой усложнение административной нагрузки на органы предварительного расследования. Фактически, такая поправка может остаться лишь формальной декларацией, не имеющей значительного влияния на правоприменительную практику. Законопроект не был поддержан, и в 2023 году Государственная Дума приняла решение об его отклонении [33].

«Эффективное осуществление судебного контроля за законностью и обоснованностью заключения лица под стражу предполагает не только формальную проверку соблюдения процессуальных норм, но и обязательный анализ наличия достоверных и достаточных данных, указывающих на признаки совершения преступления, а также на предполагаемую причастность конкретного обвиняемого или подозреваемого к рассматриваемому деянию. Однако подобная проверка не должна переходить в плоскость разрешения вопроса о виновности, что относится к компетенции суда, рассматривающего дело по существу» [49, с. 13]. В данном контексте требуется чёткое различие между предварительной оценкой обоснованности подозрений и установлением виновности лица в инкриминируемом преступлении.

Отсутствие должного разграничения между этими этапами порождает значительные риски нарушения прав обвиняемых, а также искажает саму природу института предварительного заключения. Кроме того, данный аспект указывает на частичную неэффективность действующего уголовно-процессуального регулирования: отдельные положения нуждаются в уточнении, систематизации и восполнении выявленных пробелов.

Законодательные инициативы, направленные на совершенствование порядка применения меры пресечения в виде заключения под стражу, должны

формироваться с приоритетом защиты прав и свобод личности. Особенно важно обеспечить надлежащую реализацию таких основополагающих принципов уголовного судопроизводства, как презумпция невиновности, законность, состязательность сторон, уважение к неприкосновенности личности и защита тайны переписки.

Не менее значимым фактором, влияющим на соблюдение данных принципов в повседневной правоприменительной практике, является уровень правовой культуры и профессиональной подготовки должностных лиц, задействованных в системе уголовной юстиции. Именно от этих параметров во многом зависит способность органов дознания, следствия и прокуратуры обеспечивать справедливость, объективность и соблюдение законных процедур в рамках уголовного преследования.

3.2 Перспективы развития меры пресечения в виде заключения под стражу

Федеральным законом от 28.02.2025 № 13-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в статью 108 УПК РФ внесены поправки, предусматривающие ограничения применения меры пресечения в виде заключения под стражу.

С 11.03.2025 указанная мера пресечения может быть применена в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести насильственного характера, тяжких или особо тяжких преступлений.

«Заключение под стражу подозреваемого (обвиняемого) в совершении ненасильственного преступления средней тяжести, за исключением ряда преступлений, указанных в ч. 1 данной статьи, допустимо лишь при отсутствии у него места жительства (пребывания) на территории Российской Федерации; если его личность не установлена; им нарушена ранее избранная

мера пресечения либо он скрылся от органа предварительного расследования и суда.

К лицам, совершившим преступления небольшой тяжести, эту меру пресечения возможно будет применить лишь в случаях, если они скрылись от органов предварительного расследования и суда либо нарушили ранее избранную меру пресечения» [9, с. 45].

«Законом предусмотрен исчерпывающий перечень лиц, которые могут быть заключены под стражу только при подозрении (обвинении) их в совершении тяжких, особо тяжких преступлениях, в исключительных случаях – преступлений средней тяжести насильственного характера. К таким лицам отнесены несовершеннолетние, беременные женщины, женщины, имеющие малолетнего ребенка, мужчины, являющиеся единственным родителем малолетнего ребенка и т.д.» [12, с. 106].

«Изменения коснулись избрания этой меры пресечения в отношении предпринимателей и членов органов управления коммерческой организацией, подозреваемых (обвиняемых) в совершении ряда преступлений, совершенных в связи с осуществлением ими предпринимательской деятельности и полномочий по управлению организацией.

С даты вступления изменений в законную силу их заключение под стражу возможно лишь в исключительных случаях, а именно при отсутствии места жительства (пребывания), нарушения ранее избранной меры пресечения либо когда такое лицо скрылось от органов предварительного расследования и суда» [20, с. 7].

По нашему мнению, «применение заключения под стражу в демократическом прогрессивном обществе должно сводиться к минимуму, но рассмотреть перспективы этой меры пресечения все же необходимо.

Перспективы развития должны основываться на демократических принципах. Законность, гуманизм, безопасность личности – основа для развития уголовно-процессуального законодательства в будущем» [11, с. 74].

Перспективы развития можно охарактеризовать следующим образом.

Оптимизация применения мер пресечения несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых.

Согласно ч. 2 ст. 108 УПК РФ «заключение под стражу в отношении несовершеннолетнего применяется если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо преступления» [39]. В исключительных случаях это возможно, если он подозревается или обвиняется в преступлении средней тяжести. В Пекинских правилах указано, что «заключение под стражу является нежелательной мерой для несовершеннолетнего» [17]. Необходимо использовать альтернативные меры пресечения, не связанные с изоляцией от общества с целью сохранения ментального и физического здоровья подростка и снижении негативного влияния на него. «Менее строгие методы будут способствовать налаживанию контакта с внешним миром, развитию кругозора и формированию правосознания и правовой культуры. Именно воспитательная работа со стороны законных представителей и специализированных органов должна оказать положительное воздействие на поведение и способствовать снижению антисоциального поведения. Содержание под стражей может негативно сказаться на физическом и психологическом здоровье несовершеннолетних, в силу этого альтернативные методы более предпочтительны. Также должны разрабатываться новые меры, направленные на соблюдение интересов несовершеннолетних, что заслуживает поддержки и поощрения со стороны государства» [34, с. 18].

В УПК РФ нет определения исключительного случая, в связи с этим в юридической доктрине существуют разные мнения относительно этого понятия.

«Заключение под стражу – крайне нежелательная мера для несовершеннолетнего, для его нормального физического и психологического развития. Вместе с тем, законом установлены особые требования нахождения под стражей для несовершеннолетних обвиняемых и подозреваемых. Согласно ст. 31 103-ФЗ, несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым создаются улучшенные материально-бытовые условия. Во время прогулок (не

менее двух часов) предоставляется возможность для физических упражнений и спортивных игр на открытом воздухе. Закреплённые на законодательном уровне положения, предусматривающие возможность самообразования, проведение воспитательной работы с несовершеннолетними, а также оказание при необходимости психологической помощи, представляют собой реализацию принципов гуманизма и справедливости. Данные меры направлены на обеспечение защиты личности в условиях изоляции и способствуют созданию условий, минимизирующих негативное воздействие содержания под стражей» [30, с. 45].

«При выборе меры пресечения, должны быть учтены особенности личности подростка в каждом конкретном случае, например, умственное развитие и психологическое состояние ребенка, мотивация совершения преступления, посткриминальное поведение, условий жизни несовершеннолетнего, роли подростка в совершении преступления. Для аналитической работы и сбора статистических данных о подростковой преступности правоохранительным органам следует оповещать специализированные органы об избрании подростку меры пресечения.

В перспективе законодательство должно развиваться в сторону еще большей защиты несовершеннолетних от применения к ним мер пресечения, связанных с изоляцией от общества. В научной литературе предлагается создать норму, исключающую заключение под стражу для подростков, находящихся в статусе подозреваемых» [34, с. 45].

Действующее законодательство возлагает на родителей обязательства по всестороннему воспитанию ребёнка, включая ответственность за его моральное и социальное развитие. Однако в случае совершения преступления несовершеннолетним, внимание системы уголовной юстиции сосредоточено преимущественно на ребёнке, тогда как поведение родителей часто остаётся вне правовой оценки. Это создаёт правовой и социальный дисбаланс. Законодателю целесообразно рассматривать детскую преступность не только как результат личной вины подростков, но и как следствие недобросовестного

исполнения родителями своих обязанностей. В связи с этим целесообразна дискуссия о возможности ужесточения правовых последствий за систематическое уклонение родителей от воспитательной функции.

«Статьи 5.35 КоАП РФ, очевидно, недостаточно, требуются более действенные и жесткие меры. Избрать заключение под стражу – легко, а вот разобраться в причинах преступного поведения подростка, провести качественную воспитательную работу, исследовать психологию ребенка – задача очень непростая. В перспективе хотелось бы видеть реально действующие механизмы по защите прав ребенка и альтернативные следственному изолятору меры пресечения. Правоприменителям стоит обратить на меру пресечения присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым, которая избирается крайне редко, в отличие от заключения под стражу, что подтверждается актуальными статистическими данными» [31, с. 136].

Следователь, решая вопрос о возможности избрания в отношении несовершеннолетнего более мягкой меры пресечения, должен учитывать не только юридический статус законных представителей, но и реальную способность последних оказать воспитательное воздействие. Критически важным является анализ условий проживания, наличие или отсутствие семейного насилия, авторитет родителей в глазах подростка и уровень их личной ответственности. Игнорирование этих факторов может привести к повторной виктимизации несовершеннолетнего или усилению девиантных установок, что противоречит целям уголовного процесса и принципу гуманного обращения с несовершеннолетними.

Либерализация законодательства.

Вопреки наметившейся тенденции либерализации уголовного законодательства, сохраняется необходимость применения более мягких мер пресечения. Только тяжесть состава преступления не является достаточной для заключения под стражу. Такой позиции придерживается судебная практика. В ранее названном Обзоре практики от 18.01.2017 содержится

следующее решение суда. «6 октября 2015 г. Зейский районный суд Амурской области в решении об отказе в удовлетворении ходатайства следователя о продлении срока содержания под стражей С., который обвинялся в краже с незаконным проникновением в жилище, указал, что тяжесть состава преступления не является безусловным основанием для нахождения под стражей. Суд подчеркнул, что в ходатайстве необходимо указывать и иные значимые обстоятельства. Аналогичной позиции придерживается ЕСПЧ в своем постановлении по делу Панченко (Panchenko) против России» [24].

«В рамках проводимой политики по гуманизации уголовного судопроизводства и дальнейшей либерализации законодательства в 2023 г. в Государственную думу был внесён законопроект № 381316-8. Его положения направлены на реформирование подходов к избранию меры пресечения в виде заключения под стражу, предусматривая её недопустимость в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступлений небольшой и средней тяжести, за исключением определённых категорий. Согласно содержанию проекта закона, возможность заключения под стражу сохраняется лишь в отношении обвиняемых по делам о преступлениях средней тяжести, если они сопровождаются применением насилия, а также при совершении деяний, отнесённых к категории тяжких и особо тяжких. При этом ключевым условием становится невозможность применения более мягких ограничительных мер. Введение таких ограничений мотивировано стремлением снизить количество случаев содержания под стражей в отношении лиц, действия которых не представляют высокой общественной опасности. Инициатор проекта выразил позицию о нецелесообразности использования заключения под стражу при рассмотрении дел о преступлениях небольшой тяжести. Данная точка зрения находит отражение в пояснительной записке и поддержана заключением профильного комитета, где подчёркивается, что предложенные изменения поспособствуют более активному использованию альтернативных мер пресечения» [38, с. 96].

Разрабатываемый законопроект обращает особое внимание на существующие недостатки в судебной практике, касающиеся продления сроков содержания под стражей. В частности, в пояснительной записке к инициативе подчёркивается, что одним из нередко применяемых аргументов в пользу продления остаётся отсутствие у обвиняемого постоянной регистрации на территории Российской Федерации. При этом авторы указывают на недопустимость механического переноса данного обстоятельства с этапа первичного избрания меры пресечения на стадию её продления. Такая правоприменительная практика рассматривается как несоответствующая принципам индивидуализации мер пресечения и разумного соотношения между степенью риска и характером ограничений.

«Законопроект поддержало Правительство РФ, но с учетом доработок. В официальном отзыве указано, что формулировки «преступление насильственного характера» и «преступление ненасильственного характера» относятся к материально-правовым характеристикам преступления, но не к процессуальным, формулировки были названными «оценочными». В отзыве сделана ссылка на возможную угрозу безопасности, в случае если обвиняемые продолжают заниматься преступной деятельностью. Также предложено распространить предлагаемые изменения на мужчин, которые являются единственным родителем, и имеющих детей-инвалидов.

Однако запрет на продление срока в связи с отсутствием места жительства на территории РФ Правительство РФ не поддержало, указав, что это приведет к «ослаблению превентивной функции уголовного закона».

Законопроект был одобрен в первом чтении и находится на рассмотрении в Государственной Думе» [32, с. 283].

«В рамках реализуемого курса на либерализацию уголовно-исполнительной системы Президентом Российской Федерации было дано указание Федеральной службе исполнения наказаний совместно с Советом при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека разработать предложения, направленные на совершенствование условий

содержания подозреваемых и обвиняемых в следственных изоляторах. Предлагаемые меры затрагивают такие аспекты, как увеличение минимальной площади, приходящейся на одного содержащегося, улучшение условий размещения отдельных категорий лиц, находящихся под стражей, а также пересмотр подходов к содержанию иностранных граждан в учреждениях подобного типа» [32, с. 285].

Были выдвинуты следующие инициативы.

«Отказ в принятии в СИЗО. Если в следственном изоляторе отсутствуют места, то администрация имеет право отказать в принятии обвиняемых и подозреваемых в совершении преступлений небольшой или средней тяжести, если нет возможности обеспечить их установленной законом санитарной площадью (4 м²). Кроме того, предлагается предусмотреть возможность перевода осужденного, который находится под стражей, в соответствующее учреждение в другом регионе с правом обжалования такого решения. А для переполненных изоляторов необходимо создать условия для перевода в изоляторы временного содержания в том же населенном пункте, где располагается изолятор.

Запрет избрания заключения под стражу для наиболее незащищенных слоев населения: женщинам, которых есть малолетние дети, беременным и инвалидам I и II групп (исключение: совершение тяжких и особо тяжких преступлений), лицам, совершившим преступления впервые, если срок наказания меньше пяти лет. По нашему мнению, данный запрет носит социальный характер, направленный на защиту наименее защищенных категорий общества.

Высылка иностранных граждан. Иностранцев предложено высылать за пределы РФ, сделав высылку – новым видом уголовного наказания (как в качестве основного, так и в качестве дополнительного. В российских следственных изоляторах содержится хоть и не значительный процент обвиняемых, но он все же есть» [31, с. 136].

Установление специального порядка ознакомления обвиняемого, подозреваемого и защитника с ходатайством об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и материалами, предоставляемыми в суд.

УПК РФ не устанавливает специального порядка ознакомления. Конституционный Суд указал, что «положения УПК РФ не препятствуют обвиняемым, и их защитникам в ознакомлении с материалами, на основании которых принимается решение об избрании заключения под стражу». Логично, что это требуется для соблюдения принципа состязательности, ведь сторона защиты, которая выступает против избрания столь жесткой меры пресечения, должна иметь возможность отстаивать свою позицию в суде» [25].

С другой стороны, во время допроса в качестве подозреваемого, обвиняемого, выполнения иных, следственных действий, проводимых сразу после задержания защитник и обвиняемый ставят свою подпись на всех протоколах, которые потом следователь подшивает к материалам для суда. Однако в перспективе совершенствования законодательства дополнить УПК РФ соответствующей статьей необходимо, по нашему мнению.

Актуальной остается проблема продления сроков содержания под стражей, если уголовное дело возвращается прокурору.

Правовая позиция по данному вопросу содержится в Кассационном определении судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда по делу № 22-6776 от 21 мая 2010 г. [8]. Органы судебной власти общей юрисдикции обязаны учитывать обстоятельства, имеющие правовое значение для оценки законности и обоснованности содержания лица под стражей. В качестве примера может быть приведён случай с С.В. Махиным, в отношении которого суд возвратил уголовное дело на дополнительную проверку, несмотря на то, что срок его пребывания в следственном изоляторе достиг 21 месяца, а общий срок процессуального принуждения составил 43 месяца. При этом суд не принял во внимание позицию стороны защиты, ссылавшейся на положения ч. 6 ст. 109 УПК РФ, устанавливающей ограничения на

продолжительность содержания под стражей на стадии предварительного расследования.

В упомянутом судебном решении было указано, что «положения ч. 3 ст. 109 УПК РФ, рассматриваемые во взаимосвязи с ч. 3 ст. 237 того же кодекса, не вступают в противоречие с Конституцией РФ постольку, поскольку допускают возможность продления срока содержания, обвиняемого под стражей сверх установленных максимальных пределов. Такая возможность допустима исключительно при наличии объективной необходимости в обеспечении исполнения приговора, а также при сохранении оснований и условий для применения меры пресечения. При этом срок дополнительного содержания должен оставаться разумным, то есть соразмерным характеру уголовного дела и учитывающим объем времени, требуемый для ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами дела» [8].

Однако судебный акт оставляет без ответа принципиальный вопрос о допустимости неоднократного продления меры пресечения в подобных ситуациях. Для разрешения этой коллизии представляется обоснованным обращение к правовой позиции Конституционного Суда РФ, согласно которой продление срока содержания под стражей не может базироваться исключительно на формальной ссылке на необходимость ознакомления с материалами уголовного дела. Подобный подход противоречит конституционному принципу недопустимости чрезмерного ограничения личной свободы, что требует от суда индивидуальной оценки каждого случая на предмет обоснованности и соразмерности применяемой меры процессуального принуждения.

В настоящем исследовании уже поднималась проблема обоснованности ходатайства следователя. Однако невозможно игнорировать тот факт, что «40 часов, которые есть у следователя для подготовки аргументированного и юридически грамотного ходатайства не всегда достаточно. Копии материалов

уголовного дела должны быть поданы в суд за 8 часов до того, как истечет срок задержания.

Из-за большого объема работы, которую должен выполнить следователь, эти сроки не всегда соблюдаются в точности на практике. Следователю необходимо подготовить материал для суда, в том числе допросить всех участников, собрать характеризующий материал, провести следственные действия. Если 40 часов выпадают на праздники или выходные, то следователь не сможет подать важные запросы для получения необходимых сведений» [11, с. 75].

«Пандемия «COVID-19», возможность появления в будущем других инфекционных заболеваний, возникновения кризисных и чрезвычайных ситуаций требуют от государства принятия мер по совершенствованию уголовно-процессуальных механизмов и созданию эффективной процедуры, способствующей реализации назначения уголовного судопроизводства и обеспечению конституционных прав и свобод его участников» [15, с. 6].

Полагаем, что все суды и следственные изоляторы должны быть оборудованы системами видеоконференц-связи, а также в случае возникновения подобных ситуаций, выделить отдельные комнаты, предназначенные для общения обвиняемого, содержащегося под стражей со своим защитником при помощи видеоконференц-связи. Также обеспечить, при необходимости, проведение некоторых следственных действий при помощи видеоконференц-связи, таких как допрос, очная ставка. Можно предположить, что данные меры повлекут за собой нарушения прав обвиняемого, подозреваемого, поэтому в целях предотвращения правонарушений, полагаем что данные следственные действия в обязательном порядке должны записываться на видео и прилагаться к протоколу, а также обязательно присутствие защитника в кабинете следователя и его ознакомление с протоколом лично.

Таким образом, «законодательство необходимо улучшать, потому что существуют пробелы и неточности, разночтения норм закона, что приводит к

проблемам в правоприменительной практике, нарушаются права и свободы человека и гражданина, принципы уголовного процесса.

Пока проблемы, связанные с реализацией норм на практике, не будут решены должным образом, невозможно говорить об улучшении ситуации с мерами принуждения. Законодатель должен обращать внимание на практическое применение новелл правовых норм» [30, с. 76].

Недостаточно формального закрепления правовой нормы в тексте нормативного акта. Необходимо проводить систематический мониторинг её реализации в правоприменительной практике. Оценка фактической эффективности правовой новеллы позволяет выявить, достигает ли она заявленных целей или требует коррекции. Лишь при условии критического анализа последствий внедрения новых правовых механизмов становится возможным подлинное совершенствование законодательства, основанное не только на теоретических посылах, но и на эмпирически подтверждённых данных.

Заключение

Проведённое исследование позволило осуществить всесторонний анализ института заключения под стражу как меры пресечения, а также рассмотреть характер возникающих при этом правоотношений и предложить рекомендации, направленные на совершенствование соответствующих законодательных норм.

Обобщение доктринальных подходов, анализ нормативной правовой базы и правоприменительной практики в области использования заключения под стражу позволили выявить ряд существенных положений. В частности, рассмотрение научных концепций дало возможность определить правовую природу данной меры, обозначить её функциональные цели и выделить специфические черты, отличающие её от иных форм процессуального принуждения. Установлено, что заключение под стражу занимает особое положение в системе мер пресечения, обладая уникальными условиями применения и нормативным регулированием, что требует особого внимания при реализации на практике и при разработке правовых механизмов её ограничения.

Заключение под стражу является самой строгой в системе мер пресечения. Это обусловлено тем, что:

- данная мера ограничивает право, которое предусматривает статья 22 Конституции РФ в отношении личной неприкосновенности и свободы;
- структура исполнения данной меры является сложной - предусматривается пребывание лица, в отношении которого применена соответствующая мера пресечения, под стражей в местах, определенных отдельным законом, который детально регламентирует правовое положение соответствующего лица;

- существует необходимость получения согласия руководителя следственного органа или прокурора, а также судебное решение при избрании соответствующей меры;
- время пребывания лиц под стражей подлежит зачету в срок наказания, которое назначает суд.

Проведённый анализ действующего законодательства позволил выявить ряд концептуальных недостатков, затрудняющих правоприменение в сфере заключения под стражу. В частности, использование оценочной формулировки «при наличии оснований полагать» порождает правовую неопределённость, так как допускает субъективную интерпретацию со стороны правоприменителей. Данный тезис подтверждается мнением значительного числа исследователей, указывающих на необходимость более точной формулировки правовых оснований применения меры пресечения.

Отдельную озабоченность вызывает отсутствие нормативной конкретизации условий, при которых допустимо ограничение корреспонденции лиц, содержащихся под стражей. Соответствующая правовая норма сформулирована нечетко и не содержит чётких критериев допустимости подобных ограничений, что ставит под угрозу соблюдение прав человека в условиях изоляции. Кроме того, в законодательстве отсутствуют легальные дефиниции таких понятий, как «исключительный случай» и «заключение под стражу», что порождает неоднородность судебной практики и снижает уровень правовой определённости. Результаты анализа решений судов различных инстанций подтверждают наличие проблем в механизме избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, свидетельствуя о необходимости более чёткой законодательной регламентации соответствующих процедур и оснований.

На основе проведённого исследования разработан ряд предложений, направленных на повышение эффективности правового регулирования и укрепление принципов уголовного судопроизводства.

Прежде всего, особого внимания заслуживает вопрос справедливости как фундаментального начала уголовного процесса. Данный принцип, обладая выраженной этической направленностью, формирует нравственные ориентиры принятия процессуальных решений и требует включения в перечень основных начал уголовного судопроизводства, предусмотренный главой 2 УПК РФ. При этом справедливость следует концептуально разграничивать с принципом гуманизма, опираясь на устоявшиеся научные подходы. В предлагаемом контексте принцип справедливости должен пониматься как требование, предъявляемое ко всем аспектам процессуальной деятельности должностных лиц и судебных органов, предполагающее соблюдение баланса интересов сторон и соразмерность принимаемых мер.

Важной задачей остаётся уточнение нормативных оснований для ограничения тайны переписки в следственных изоляторах. В условиях, когда сотрудники учреждений временного содержания не обладают полной информацией об обстоятельствах конкретного уголовного дела, их самостоятельное вмешательство в корреспонденцию обвиняемого может привести к нарушению как его конституционных прав, так и принципа адвокатской тайны. В этой связи предлагается внедрение интеллектуальных автоматизированных систем для фильтрации сообщений исключительно в целях выявления признаков противоправных действий. Такой подход позволит минимизировать риск произвольного ограничения прав подозреваемых и обвиняемых, обеспечив при этом необходимый уровень контроля со стороны государства.

Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства выявил пробел, связанный с отсутствием нормативного определения термина «исключительный случай», упоминаемого в ч. 2 ст. 108 УПК РФ. В целях устранения правовой неопределённости в этой части представляется целесообразным воспользоваться механизмом законодательной инициативы, предусмотренным для Верховного Суда Российской Федерации. С учётом его процессуального авторитета и правотворческой функции, Пленум Верховного

Суда РФ вправе предложить включение в официальное постановление легального определения данного понятия. Под исключительным случаем, на наш взгляд, следует понимать такую нетипичную жизненную ситуацию, при которой стандартное применение нормы невозможно ввиду обстоятельств, выходящих за рамки общих условий, и требующих индивидуального правового подхода, основанного на полномочиях соответствующего должностного лица.

Дополнительного нормативного закрепления требует и процедура ознакомления обвиняемого, подозреваемого и его защитника с ходатайством о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, а также с сопутствующими материалами, направляемыми в суд. Во избежание нарушений принципа состязательности сторон в уголовном процессе предлагается внести в УПК РФ специальную статью, регламентирующую порядок и сроки предоставления таких материалов для надлежащей подготовки стороны защиты к рассмотрению ходатайства.

Отдельное внимание должно быть уделено обеспечению прав несовершеннолетних в ходе избрания мер пресечения. Практика показывает, что меры, связанные с изоляцией подростков от общества, могут нанести существенный вред их психоэмоциональному состоянию и нарушить процессы социализации. В этой связи заслуживает поддержки идея о законодательной актуализации и расширении применения альтернативной меры – присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым. Такая мера может быть реализована через взаимодействие с органами опеки, образовательными учреждениями и психологическими службами, с целью минимизации травматических последствий и обеспечения условий для ресоциализации.

Судебные органы в процессе избрания меры пресечения в виде заключения под стражу должны проявлять особую степень взвешенности, избегая формалистского подхода. Недопустимо обосновывать необходимость изоляции лица предположениями о возможном воспрепятствовании

предварительному расследованию. Основанием для ограничения свободы могут служить исключительно конкретные факты, подтверждённые надлежащими доказательствами, которые должны быть представлены в соответствующем ходатайстве следователя. Суд, в свою очередь, обязан всесторонне проверить достоверность и юридическую значимость представленных данных, а также оценить, действительно ли они обосновывают применение столь жёсткой меры пресечения.

В условиях действия принципа разумного срока судопроизводства, при рассмотрении вопроса о продлении содержания под стражей, суду следует проверять, были ли проведены все запланированные следственные действия в рамках предыдущего периода содержания, а также учитывать наличие или отсутствие новых обстоятельств, которые могли бы изменить необходимость дальнейшего применения данной меры.

Практическая значимость сформулированных предложений заключается в возможности их использования как в научной среде при разработке теоретических концепций и проведении прикладных исследований, так и в прикладном аспекте при составлении методических рекомендаций для органов правосудия и правоохранительных структур. Представленные подходы могут быть апробированы в рамках действующего законодательства и легли бы в основу дальнейших инициатив, направленных на его либерализацию.

Полученные результаты обладают высокой теоретической и практической значимостью, поскольку направлены на решение одной из ключевых задач уголовного процесса – обеспечение правовых и процессуальных гарантий законности и обоснованности применения мер, ограничивающих фундаментальные конституционные права человека на свободу и личную неприкосновенность. Это, в свою очередь, способствует созданию эффективных и справедливых условий для осуществления расследования уголовных дел.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Апелляционное постановление Московского городского суда от 02.03.2022 № 10-3922/2022 [Электронный ресурс]. - URL: <https://base.garant.ru/326518003/> (дата обращения 04.01.2025).
2. Апелляционное постановление № 22К-3360/2023 от 18 октября 2023 г. по делу № 3/2-429/2023 [Электронный ресурс]. - URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 04.01.2025).
3. Баев М.О., Щукин В.И. Проблемные вопросы установления оснований для избрания меры пресечения // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 3. С. 6-9.
4. Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М. : «ЛексЭст», 2001. XXVIII. 287 с.
5. Бегова Д.Я., Махмудова А.А. Особенности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу // Закон и право. 2021. № 3. С. 2-9.
6. Гуляев А.П. Цели, задачи и принципы как фундаментальные положения уголовно-процессуального права: по закону, теории и практике // Российский следователь. 2012. № 16. С. 5-8.
7. История государства и права России (электронная библиотека) // Устав уголовного судопроизводства [Электронный ресурс]. - URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustavugolsud1864> (дата обращения 04.01.2025).
8. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда по делу №22-6776 от 21 мая 2010 г. [Электронный ресурс]. - URL: [URL:http://www .mos-gorsud .ru/bank](http://www.mos-gorsud.ru/bank) (дата обращения 04.01.2025).
9. Качалова О. В. Учет судом оснований и условий применения заключения под стражу в качестве меры пресечения // Судья. 2019. № 9. С. 43-46.
10. Качалова О.В. Ходатайство об изменении меры пресечения в виде

заключения под стражу в ходе досудебного производства по уголовным делам // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 1 (71). С. 2-8.

11. Качалова О.В. Особенности проведения судебного заседания при разрешении вопросов о заключении под стражу в качестве меры пресечения / О.В. Качалова // Российское правосудие. 2020. № 3. С. 73-78.

12. Кокорева Л.В. Процессуальное значение оснований и цели применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве // Вестник экономической безопасности. 2016. № 1. С. 103-107.

13. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом N 7№ (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (Дата обращения 12.05.2025).

14. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ.) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Дата обращения 12.05.2025).

15. Королёва В.В. Современные проблемы, возникающие при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Вестник магистратуры. 2023. № 2-1 (137). С. 5-8.

16. Литвина Л.М. Разумные сроки уголовного судопроизводства при продлении сроков содержания под стражей // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. № 3 (53). С. 15-21.

17. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении

несовершеннолетних (Пекинские правила). Приняты на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 29 ноября 1985 г. [Электронный ресурс]. - URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (Дата обращения 15.06.2025).

18. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.01.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 9, сентябрь, 2017.

19. Определение Конституционного Суда РФ от 12.05.2003 № 173-О «По жалобе гражданина Коваля Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статей 47 и 53 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ, № 5. 2003.

20. Орлов А. В. Система мер пресечения в России: история становления и перспективы развития // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 1 (32). С. 2-10.

21. Переславцева Е.Г. Цели, основания, условия и порядок применения мер пресечения в России // Молодой ученый. 2020. № 48. С. 311-313.

22. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» [Электронный ресурс]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/ (Дата обращения 18.05.2025).

23. Попова Л.Н. Критерии для оснований избрания меры пресечения в уголовном судопроизводстве // Евразийский юридический журнал. 2017. № 11 (114). С. 294-295.

24. Постановление ЕСПЧ от 11.06.2015 «Дело «Панченко (Panchenko) против Российской Федерации» (жалоба № 11496/05)» // Прецеденты Европейского Суда по правам человека: Электронное периодическое издание

/ учредитель ООО «Развитие правовых систем». 2015, сентябрь. № 9 (21). С. 4-9.

25. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2018 № 12-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Костромина» [Электронный ресурс]. -URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_294013/ (Дата обращения 22.05.2025).

26. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2010 № 20-П «По делу о проверке конституционности положений статей 20 и 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в связи с жалобами граждан Д.Р. Барановского, Ю.Н. Волохонского и И.В. Плотникова» // «Вестник Конституционного Суда РФ», № 1, 2011.

27. Постановление Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 19 июня 2015 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://petrozavodsky.kar.sudrf.ru/> (Дата обращения 23.05.2025).

28. Постановление Правительства РФ от 14.01.2011 № 3 «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений" (вместе с "Правилами медицинского освидетельствования подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений») // Российская газета, N 11, 21.01.2011.

29. Пронин Т.Т. Подход Doing Business в уголовной политике Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. 2023. № 24. С. 5-6.

30. Резник Г.М. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации в 2 ч. Часть 1: учебник для вузов / Г.М. Резник [и др.] ; под общей редакцией Г.М. Резника. - 3-е изд., перераб. и доп. - М. : Издательство Юрайт, 2020. 256 с.

31. Сидорова Е.И. Проблемы применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних // Уголовно-

процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. 2018. № 1 (5). С. 135-139.

32. Смирнов В.Н. Развитие законодательства, регламентирующего избрание и применение меры пресечения в виде заключения под стражу // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2011. № 5-6 С. 282-285.

33. Судебный департамент при ВС РФ // Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2022 году [Электронный ресурс]. - URL: <http://cdep.ru/?id=80> (дата обращения 12.06.2025).

34. Судницын А.Б., Воронов Д.А. Законность и обоснованность избрания и применения меры пресечения в виде заключения под стражу: учеб. пособие. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. 64 с.

35. Сумин А.А. Судебное рассмотрение материалов об ограничении конституционных прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий до возбуждения уголовного дела: проблемы теории и практики / А.А. Сумин // Адвокат. 2012. № 12. С. 22-26.

36. Сухова И.И. Уголовно-процессуальный закон как средство обеспечения нравственных начал решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 1 (53). С. 18-22.

37. Трунова Л.К. Соблюдение интересов граждан при применении мер уголовно-процессуального пресечения // Право и политика. 2002. № 8. С. 74-79.

38. Турсунбаева Д.С., Ишмухаметов Я.М. Основания применения мер пресечения в уголовном процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 3-3 (66). С. 94-98.

39. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Парламентская газета, № 241-242, 22.12.2001. ст. 108.

40. Ушаков А.С. О понятии «применения меры пресечения» в уголовном процессе // Вестник уральского юридического института МВД

России. 2016. № 1. С. 22-25.

41. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М. : Аделант, 2014. 800 с.

42. Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Российская газета, № 139, 20.07.1995. Ст. 4.

43. Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // Российская газета, № 45, 02.03.2023.

44. Филиппов М. Тюрьмы в России. Собственноручный проект императрицы Екатерины II (1787) // Русская старина: Ежемесячное историческое издание. 1873. Т. VIII. Спб., 1873. С. 60-87.

45. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1912. Т. 1. 518 с.

46. Халиулин А.Г. Заключение под стражу: законность и необходимость / А.Г. Халиулин // Уголовный процесс. 2008. № 7 (43). С. 60-64.

47. Хапаев И.М. История становления и развития законодательства и практики применения меры пресечения в виде заключения под стражу (XIX-XX вв.) // Актуальные проблемы российского права. 2014. №10. С. 3-9.

48. Цоколова О.И. Есть ли справедливость на досудебных стадиях уголовного судопроизводства? // Современные проблемы законности и справедливости в уголовном процессе. М. : МАЭП, 2014. С. 101-106

49. Цоколова О. И. Теория и практика задержания, ареста и содержания под стражей в уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 12-19

50. Шукуров Р.Н., Середа Ю.С. Особенности изменения или продления мер пресечения при расследовании преступлений экономической и коррупционной направленности // ЮП. 2023. №2 (105). С. 2-8.